

АРНЕМСКИЙ ДЕСАНТ В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ СОБЫТИЙ

*Арнемский десант стал заметным событием в истории ВМВ. О нем много писали, ему посвящен известный голливудский фильм *A Bridge Too Far*/[Мост Слишком Далеко](#) (1977). В данной статье этот эпизод рассматривается с точки зрения участников событий...*

За день до высадки, 16 сентября

Вспоминает Роберт Кристи (Robert Christie, 1923-2000, на фото слева), 1-й Аэромобильный Полк Легкой Артиллерии, помощник офицера управления огнем/артиллерист-вычислитель, принимал участие в планерном десанте на Сицилию и в боях на Итальянском фронте; Отделение C/Troop C, 2-я Батарея

Мой планер должен был подняться в воздух с аэродрома Мэнстон/Manston в Кенте с четырьмя солдатами и одним офицером на борту, перевозя джип, прицеп, боеприпасы и пару раций. Мы вылетели к месту высадки на следующий день после начала операции, первоначально планировалось, что мы будем оказывать огневую поддержку 4-й Парашютной Бригаде.

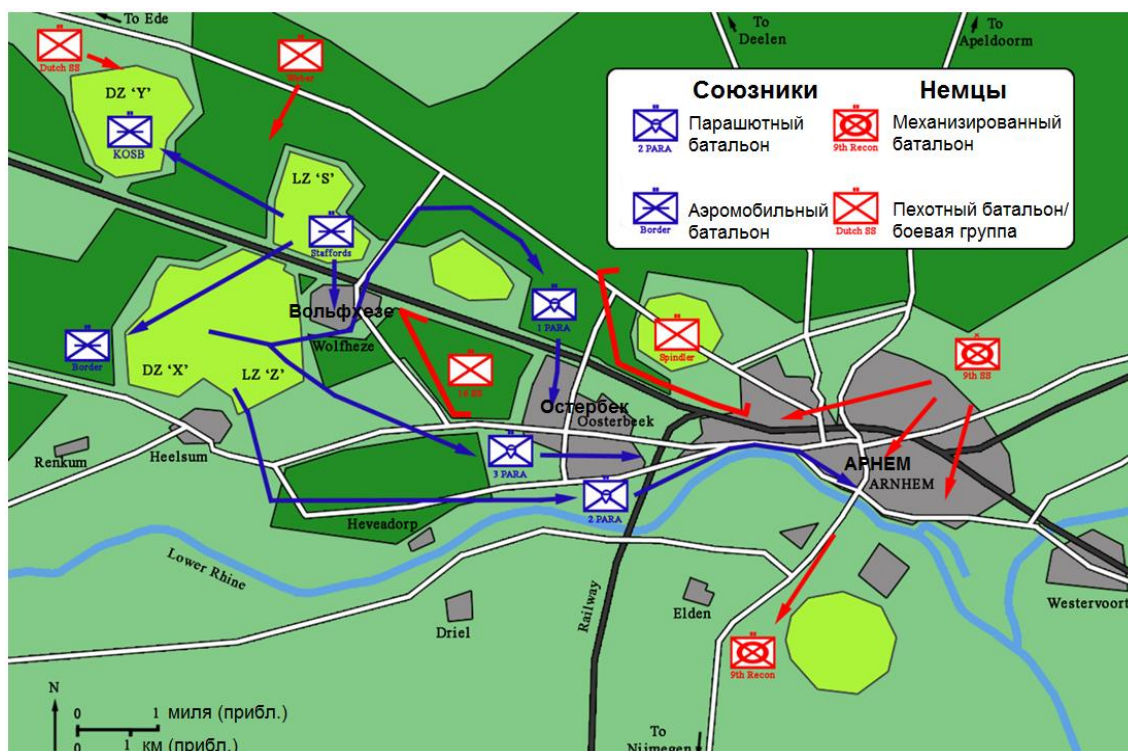
В субботу, 16-го, мы прошли инструктаж в отеле Beresford в Бёрчингтоне/Birchington, где мы проживали с весны 1944 года. Я помню, что нервничал, но воспринял известия об операции, которую называли Market Garden, с облегчением: дело было в том, что ее план не показался мне настолько нереалистичным, насколько им был предыдущий – план операции Comet. Согласно плану Comet, моя батарея должна была высадиться близ Неймегена/Nijmegen и затем переместиться по дороге в Арнем, чтобы присоединиться там к 4-й Парашютной Бригаде. Тогда я подумал, что мы можем стать хорошей мишенью для немцев, продвигаясь по дорогам, идущим по высоким насыпям.

Инструктаж был ясным и четким в ту субботу. Нам сказали, что нам будут противостоять неорганизованные части [противника], и мы не встретим

значительного сопротивления, но зенитный огонь, вероятно, будет сильным. Офицер, проводивший инструктаж, добавил, что район Арнема «очень плотно защищен зенитными батареями.» Наш командир батареи, майор Джеф Линтон (James Edward Fryer Linton, 1909-1989, на фото слева, до войны – известный крикетист) сказал следующее: «Наша задача – прикрыть зону высадки артогнем.» Покидая помещение, где происходил инструктаж, - спортзал в подвале отеля с его столами для пинг-понга, бильярда и игры в карты – я подумал, что план выглядит рациональным. Я был весьма рад тому, что кто-то решил подключить к операции американские 101-ю и 82-ю дивизии.

День 1. 17 сентября

17 сентября – высадка союзников и перемещения пехоты противоборствующих сторон. DZ – участки высадки парашютистов, LZ – участки приземления планеров. Сплошные красные линии – оборонительные позиции немцев

Перед началом высадки десанта тактическая авиация союзников провела интенсивную бомбардировку и штурмовку местности. Целью были известные позиции зенитной артиллерии и немецкие гарнизоны в окрестностях Арнема. Первыми в 12.40 высадился парашютисты-следопыты, которые должны были разметить посадочные зоны для основных сил, в том числе, для планерного десанта. Последующая высадка не встретила значительного сопротивления, и к 14.45 собравшиеся батальоны готовы были приступить к выполнению своих задач. 1-я Воздушно-десантная Бригада под командованием Филиппа Хикса (Philip Hugh Whitby Hicks, 1895-1967) заняла оборонительные позиции вокруг посадочных зон. 1-я Парашютная Бригада под командованием Джералда Латбери (Gerald Luthbury, 1906-1978) была готова выдвинуться на восток в сторону мостов. Она понесла незначительные потери, была хорошо оснащена и действовала согласно плану.

Немцы не были готовы к высадке десанта и были застигнуты врасплох. Генерал-фельдмаршал [Вальтер Модель](#) (Walter Model) срочно покинул свою штаб-квартиру в Остербеке/Oosterbeek и обосновался на востоке Арнема, в Дутинхеме/Dietinchem, сразу же взяв управление войсками под личный контроль. 10-я Танковая Дивизия СС *Frundsberg* была отправлена на юг для противостояния американскому десанту в Неймегене и защиты участка между Нижним Рейном и Ваалом. 9-я Танковая Дивизия СС *Hohenstaufen* [(командир – генерал/оберфюрер [Вальтер Харцер](#) (Walter Harzer))] осталась оборонять Арнем. Командир 10-й Дивизии, генерал [Хайнц Хармель](#) (Heinz Harmel), находился в Берлине, добиваясь присылки подкреплений. Он получил приказ немедленно вернуться в Арнем, в то время как его соединение готовилось к бою. 2-м Танковым Корпусом СС, в составе которого находились 9-я и 10-я дивизии, командовал обергруппенфюрер [Вильгельм Биттрих](#) (Wilhelm Bittrich).

Командир артиллерийского полка оберштурмбаннфюрер Людвиг Шпиндлер (Ludwig Spindler, 1910 – погиб в Арденнах 27.12.1944, на фото слева) оперативно организовал

небольшую боевую группу численностью около 120 человек. Он выдвинулся на запад, в сторону Остербека, и занял оборону, чтобы предотвратить прорыв британцев в центр Арнема. Разведывательному батальону под командованием гауптштурмфюрера Виктора Гребнера (Victor Gräbner, 1914 – убит 18.09.1944, на фото справа) было приказано выдвинуться на юг, в сумерках перейдя автомобильный мост. Изначально ни одно немецкое подразделение не имело приказа оборонять мост. Командующий гарнизоном Арнема, генерал-майор Фридрих Куссин (Friedrich Kussin, 1895-1944), был убит десантниками 3-го Парашютного Батальона по пути в штаб-квартиру, что внесло некоторый беспорядок в руководство обороной города. Только ближе к вечеру батальону 10-й Дивизии СС было приказано оборонять мост. На момент высадки только учебный батальон 16-й Панцергренадерской Дивизии СС *Reichsführer* под командованием штурмбаннфюрера СС Зеппа Крафта (Sepp Kraft, 1905-1986, на фото слева) сохранял организацию и оказался в нужном месте.

Наступление союзников очень скоро замедлилось. Разведка попала в засаду на северном фланге линии обороны Крафта и отступила. 1-й и 3-й парашютные батальоны также натолкнулись на оборонительные позиции батальона Крафта и провели остаток дня в попытках её обойти. 3-й Батальон повернул на юг и остановился в Остербеке на ночь, 1-й Батальон сначала повернул на север, но столкнулся с боевой группой Шпиндлера и не смог продолжить движение. Тогда командир 1-го Парашютного Батальона, подполковник Дэвид Доуби (David Dobie, 1912-1971, на фото справа), отказался от текущего плана и решил помочь командиру 2-го Парашютного Батальона [Джону Фросту](#) (John Frost) на мосту. Батальон направился на юг в Остербек, чтобы остаться там на ночь.

Только 2-й Батальон не встретил серьёзного сопротивления на своём пути. Однако продвижение британцев замедлили приветствия голландских мирных жителей, поэтому до цели они добрались только ближе к вечеру.

Вспоминает парашютист [Джеймс Симс](#) (James Sims, на фото слева) из 2-го Батальона

Части СС среагировали незамедлительно и задержали наше продвижение, ведя огонь из одиночных пулеметных гнезд – огонь, оказавшийся весьма эффективным. [Это были пулеметчики из подразделений 9-й Танковой Дивизии СС, сколоченных в боевую группу (Kampfgruppe) Hohenstauffen.] Наш взвод попал в засаду, несколько человек было убито, включая Брама Дэвиса (Brum Davis), но мы продолжили движение. Время от времени имели место стычки с противником, но иногда марш на Арнем напоминал триумфальный парад... Голландцы выходили к дороге и встречали нас

аплодисментами, угощали фруктами и дарили цветы. Они все время повторяли: «Мы ждали вас четыре года».

Железнодорожный мост был взорван немецкими саперами, как только союзники подошли к нему, а у понтонного моста не хватало центрального участка. Десантники под командованием майора Дигби Тэйтэм-Уортера (Allison Digby Tatham-Warter, 1917 –1993, на фото справа) заметили людей Гребнера, пересекающих мост. Большая часть 2-го Батальона общей численностью около 740 человек прошла в центр Арнема и в связи с оплошностью в немецкой обороне смогла захватить незащищённое северное окончание автомобильного моста. Лейтенант Джон попытался захватить и южную часть моста, но потерпел неудачу. Все последующие атаки британцев в этом направлении с использованием огнёмётов привели лишь к возгоранию свежеекрашенных балок моста. Однако

британцы сумели хорошо закрепиться на занятой позиции и быстро отбили атаку подошедших немецких частей.

В это время 1-я Воздушно-десантная Бригада рассредоточилась для обеспечения безопасности посадочных зон. 2-й Батальон Южно-Стаффордширского Полка/South Staffordshire Regiment занял Вольфхезе/Wolfhese, 1-й Батальон Приграничного Полка/Border Regiment для обороны зоны выброски X рассредоточился по территории зоны и коммуны Ренкюм/Renkum, 7-й Батальон Собственного Шотландского Приграничного Полка Короля/King's Own Scottish Borderers занял оборону в зоне выброски Y. Здесь шотландцы поймали в засаду батальон голландских эсэсовцев, направлявшийся в Арнем из Эде/Ede. Артиллерия и штаб дивизии разместились в Вольфхезе и Остербеке, где медики развернули госпиталь.

Наступление союзников сильно осложнялось отсутствием хорошей связи между подразделениями на важных начальных этапах операции. Диапазон работы их раций десантников был сильно ограничен лесистой местностью, поэтому при продвижении вперёд батальоны потеряли связь со штабом дивизии, оставшимся в районе зон высадки.

Вспоминает Томас Эмир Дэйвис (Thomas Emur Davies, на фото слева), 1-й Парашютный Батальон, участник боев в Нормандии

Будучи в первой волне, мы, по счастью, достигли элемента внезапности, и десантирование прошло без проблем и напомнило маневры где-нибудь на равнине Солсбери. Сгруппировавшись во взводы, мы переместились в ближайшее укрытие, после чего начали марш к нашей цели – мы должны были занять плацдарм у моста через реку Маас в Арнеме. Билли Салливан (Billy Sullivan), коренастый, невысокий валлиец из моего города Ним/Neath, лишь недавно попал в батальон и еще не нюхал пороху. Когда я поравнялся с ним, мы оба тяжело дышали, и он сказал: «Какая тишина, все прекрасно!»

Когда мы проходили через Остербек колонной по одному в направлении Арнема, нас встречали люди, выбегающие из домов, они предлагали нам яблоки и стаканы с водой. Однако нам еще предстояло подтвердить свою роль героев-победителей или освободителей... Вскоре мы натолкнулись на упорное сопротивление, и наше продвижение было остановлено перед обширным участком залесенной местности. Немцы дрались отчаянно и фанатично. Медленно пробиваясь к следующему перекрестку, мы увидели мрачную картину боестолкновения, случившегося несколько минут назад. Немецкая штабная машина, очевидно, в ходе попытки бежать в сторону своей передовой попавшая под перекрестный огонь одной из рот на нашем правом фланге, была развернута поперек дороги и изрешечена пулями, ее лобовое стекло было разбито вдребезги. Двери были открыты настежь, из них по обе стороны машины свисали трупы. Один, у которого нога застряла внутри и который был одет в парадную форму с красным аксельбантом, указывающим на высокий ранг, все еще крепко держал в руке пистолет (вероятно, это и был генерал Фридрих Куссин). С другой стороны свисало тело водителя – его губы прилипли к земле в поцелуе, его тело было изрешечено пулями. На заднем сидении машины было еще двое пассажиров, их трупы прижались друг к другу, словно они замерли в ужасе от того, что их нашла смерть...

Нас прижало к земле еще раз у следующей полосы деревьев сильным пулеметным огнем и спорадическими винтовочными залпами. Сквозь деревья справа от нас, на ходу ведя огонь, проламывался полугусеничник... Мы поспешно залегли в кустах, и тут взорвались боеприпасы для миномета, которые мы сложили в кучу позади себя. Во все стороны полетели осколки. Я почувствовал резкую боль в голени. «У тебя все в порядке, Билл? – прокричал я, услышав его стон. Закрывая лицо ладонями, он сказал: «Со мной все будет в порядке через минуту! Слава богу, мои глаза целы.» Его лицо было иссечено крошечными осколками, оно мгновенно распухло, и он стал выглядеть, словно персонаж комической оперы.

Генерал Фридрих Куссин, убитый британскими десантниками. На заднем сидении его машины были найдены еще два трупа. Лейтенант Джеймс Клеминсон (James Cleminson): «Разведзвод был поставлен в авангард 3-го батальона... Когда он вышел к передовой линии противника к востоку от Вольфхезе, внезапно на перекрестке появился немецкий Ситроен. Солдаты немедленно открыли огонь ... , и все пассажиры автомобиля были убиты.»

Появление полугусеничника, казалось, подхлестнуло нас: это было то, что нужно, поскольку до этого мы продвигались вперед, не подвергаясь опасности. Я с облегчением почувствовал, что могу шагать дальше, и почти забыл о ране на ноге, хотя определенный дискомфорт создавало то, что в мой башмак просачивалась кровь, которая уже хлюпала во время ходьбы.

... Немцы с неохотой отошли после ожесточенного боя, в котором обе стороны понесли тяжелые потери. Мы постепенно продвигались к Арнему. Остальные парни ушли вперед, и я остановился на несколько минут, чтобы поправить перевязку, которую сделал сам. Неожиданно до меня донесся шорох листьев: это несколько немецких солдат пробирались через кустарник. Я запрыгнул в канаву и замер. К моему облегчению, за ними появились наши парни, Стены/Sten которых были направлены немцам в спины. Они вели пленных в штаб на допрос.

... Подойдя к полосе застройки на подходе к городу, мы пошли по чистеньким лужайкам, перебираясь через аккуратно постриженные кустарниковые изгороди. Домики были словно игрушечными, рядом с ними росли цветы, и казалось, что мы просто оскверняем все это. Пока мы продвигались вдоль берегов реки, чтобы занять плацдарм, пришло сообщение о том, что парни все еще с большим трудом удерживают [Арнемский] мост.

Роберт Кристи

На следующий день, 17-го, мы из отеля наблюдали за тем, как с первой волной десанта вылетела часть нашего полка. Вскоре после этого, когда я сидел в бывшем лобби отеля, один из артиллеристов нашей батареи спустился вниз и заявил, что только что разбил одно из зеркал в туалете. «Надеюсь, - сказал он, - что я хорошо проживу семь лет несчастий, которые у меня впереди (seven years of bad luck – английское выражение, которое используют после того, как разбивается зеркало – ВК).

Вспоминает Вальтер Харцер

Когда британские парашютисты высадились в Арнеме, сложившееся положение было довольно хаотичным. Британцы не встретили особого сопротивления. В мюзик-холле (Muis Sacrum) около 80 немецких солдат пили кофе и играли в карты. Их оружие стояло прислоненным к стене. Вошла горстка парашютистов, и они приказали немцам поднять руки. Потом они выпили по чашке кофе и ушли.

Вспоминает лейтенант Эрик Маккэй (Eric MacLachlan MacKay, 1921-1995, на фото слева)

У нас оставалось еще шесть часов до рассвета. Я наскоро ознакомился со зданием школы. У нее был подвал, два этажа и чердак, и я решил вести бой, заняв позиции на втором этаже, просто удерживая первый этаж и подвал и ведя наблюдения с чердака. У меня было пятьдесят человек (семеро были ранены), еще один лейтенант, шесть Бренов/Bren, патроны и гранаты были в изобилии, имелось определенное количество взрывчатки. Противотанкового оружием мы не располагали, провианта было совсем мало, вода у нас была только та, что во фляжках.

Медикаментов, кроме морфия и перевязочных материалов, у нас не было.

Можно было передохнуть еще с часок перед следующими атаками: две были отбиты до того, как наступил рассвет. Во время затиший мы выходили из здания и подбирали одного или двух раненых парашютистов. С первыми лучами солнца на нас обрушился шквал огня из здания, из которого нас выбили несколько часов назад. Поскольку оно находилось всего в 20 ярдах от нас, дальнейшее удержание огневых позиций на северном фасе школы стало невозможным, и теперь оттуда можно было лишь вести наблюдения.

Как только полностью рассвело, мы смогли разглядеть точное расположение позиций противника по соседству с нами. Немцы по-глупому не стали их менять, и мы без труда разработали план их уничтожения. Один пулемет открыл стрельбу с помощью пульта дистанционного управления с одного из флангов северного фаса. Он отвлек на себя всю огневую мощь противника, а мы те временем ответили ему из двух Бренов с другого фланга и перестреляли все пулеметные расчеты немцев. Другие немцы попытались вытащить хотя бы пулеметы и тоже были уничтожены. На часах было 8 утра.

Парашютисты в обороне. 17 сентября...

Тем временем, как могло показаться, бой разгорался у южного фаса школы. Немцы организовали сильную атаку с рубежа, находившегося в 60 ярдах от нас, она была нацелена на нашу небольшую группу, удерживавшую позиции на другом конце перекрестка на противоположной стороне улицы. Перестрелка была весьма интенсивной, и огненные трассы проносились во всех направлениях. Кто-то вел огонь из легкой зенитной пушки прямо вдоль улицы. Неразбериха была полная. Казалось, никто толком не знал, кто рядом, а кто напротив. Мы повели огонь вместе с нашими пулеметчиками, находившимися на левом фасае. В 09.30 могло показаться, что бой достиг кульминации, когда до нас из одного из расположенных западнее помещений донесся крик, из которого мы поняли, что мимо его окон проследовал броневомобиль. Я поспешил туда и успел вовремя, чтобы увидеть, как мимо проехал еще один. Въезд на мост находился на одном уровне с нашим вторым этажом, ее обочина была ярдах в 12 от нас. Мы ничего не могли сделать с этими бронемашинами, не располагая противотанковыми средствами. Однако после того, как мимо проплыл уже пятый, за ним попытались проскочить несколько полуусеничных бронетранспортеров. Это были открытые машины – легкая добыча. Первый попытался уйти на скорости, но мы сумели закинуть в него гранату. Второй появился в поле зрения, ведя огонь из своих пулеметов, и парень, стоявший рядом со мной, был убит до того, как мы сумели остановить эту машину, уложив водителя и его напарника. Шестеро немцев, сидевших в бронетранспортере, попытались выбраться из него, но их перестреляли одного за другим, и они остались лежать посреди дороги. Из-за всего этого остальные полуусеничники остановились вне поля нашего зрения, что дало мне возможность организовать людей так, чтобы их можно было уничтожить. Через 10 минут два бронетранспортера стали приближаться, ведя огонь из всех стволов, стараясь пробить себе дорогу. Когда они проезжали мимо ранее подбитого нами, мы подстрелили водителя идущей впереди машины и его напарника. Водителя, должно быть, только ранило, поскольку он тут же переключился на задний ход и столкнулся с машиной, ехавшей за ним. Они остановились, и мы обрушили на них шквал огня – один из них при этом загорелся. Сидевшие в обеих машинах люди пытались выскочить, но были немедленно скошены пулями. Еще один бронетранспортер попытался проскочить через поднявшиеся клубы дыма, но был остановлен тем же способом, и из сидевших в нем не выжил никто. Потом, вроде как, наступило затишье, но тут прямо подо мной раздался лязг гусениц. Еще одна машина оказалась футов в пяти от меня, и я смотрел прямо в глаза командира экипажа. Я не знаю, кто из нас был изумлен в большей степени. Должно быть, эта машина сползла с дорожного полотна и теперь продвигалась по боковой дороге, которая проходила между школой и дорогой и была 9 футов в ширину.

Этот парень среагировал на происходящее быстрее меня, поскольку он с мерзкой ухмылкой на лице трижды выстрелил из своего Люгера. Единственная пуля, которая попала в меня, разбила мой бинокль, висевший у меня на шее. Мои ребята немедленно вступили в бой, и через несколько секунд этот парень и его люди были убиты. Полуусеничник тем временем просто врезался в стену школы.

За этим последовало очередное затишье где-то на полчаса, а потом появился еще один бронетранспортер, который несся на полной скорости. Водитель был тут же застрелен, машина вильнула вправо, скатилась по откосу и врезалась в южную стену прямо под нами, после чего были уничтожены все те, кто сидел в нем. Пока разбирались с этой машиной, из-за горящей на дороге троицы показалась еще одна. Ее подбили так же, как и остальные, и счет убитых пополнился еще восемью немцами. мы хорошо делали свое дело, и наши потери оставались сравнительно легкими.

Аэрофотоснимок Арнемского моста. У северного въезда на него видно скопление уничтоженной немецкой техники

Приближался полдень, и, хотя издалека до нас доносился лязг гусениц, противник больше не предпринимал попыток прорваться с юга. Так или иначе, теперь мост был заблокирован горящими машинами. Однако наступившее затишье не могло продолжаться долго. Через 10 минут, издав звуки, напоминающие вздохи, на нас и рядом с нами упало полтора десятка мин. Я слышал, как на другой стороне въезда на мост кто-то отдавал по-английски приказы вести огонь, и сообразил, что по нам из минометов стреляют свои же. Высунувшись из ближайшего окна, я с максимальной громкостью высказался на самом что ни на есть цветистом языке, в аутентичности которого никто бы не смог усомниться. Обстрел прекратился. Чтобы взять ситуацию под контроль, мы выкрикнули наш старый африканский боевой клич Whoa Mahomet. Это возымело немедленный эффект – клич услышали все люди, разбросанные по огненным точкам в зданиях, расположенных вокруг моста. Огонь стих. Настроение у людей поднялось. В течение последующих дней это был единственный способ понять, какие здания мы еще удерживаем. Это было единственным, что немцы при всей своей сообразительности так и смогли симитировать...

Вспоминает лейтенант Эрик Батлер (Eric Butler, 1918-1994, на фото слева). В 1936-1937 годах он служил в Палестине, позднее прошел подготовку в качестве коммандо, принял участие в двух рейдах на [норвежские острова](#) и [порт Сен-Назер](#), был ранен. В операции *Market Garden* участвовал в составе 2-го Батальона Южно-Стаффордширского Полка. Находясь в плену, он составил краткую хронику боев под Арнемом, эти записки были найдены через много лет после войны...

10.30, 17 сентября

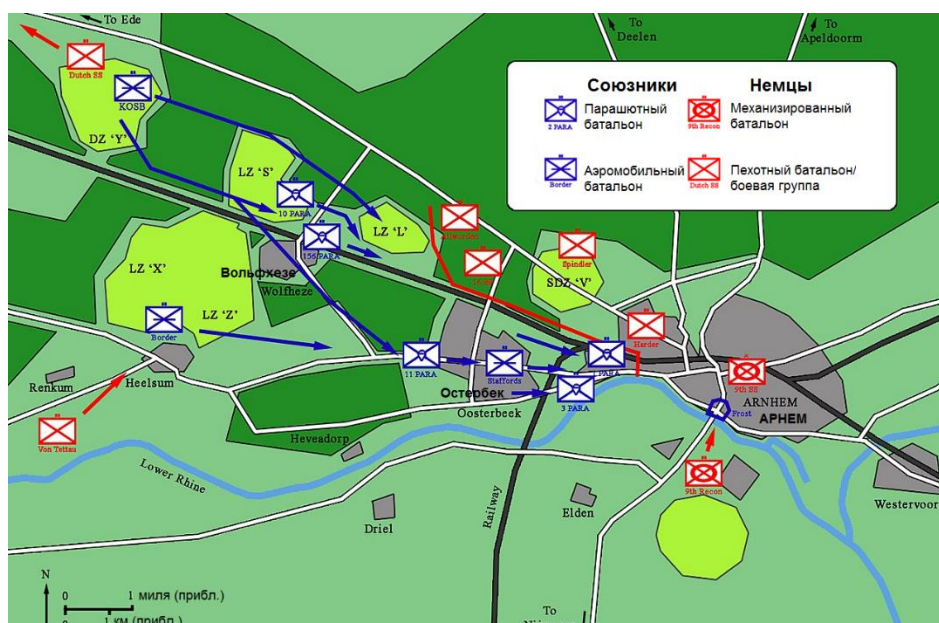
Поднялись в воздух с аэродрома Мэнстон – все в отличном расположении духа – операция была отрепетирована и отработана на практике до такого уровня, что каждый досконально знал, что делать в любом состоянии. Две волны – я в первой, пушки должны прибыть на следующий день со второй волной.

13.16, 17 сентября

Приземлились на вспаханном поле в 100 ярдах от намеченной точки, и первая волна собралась так, как было запланировано. Противодействия никакого: противник застигнут врасплох. Сформировал временную линию обороны вокруг фермы к западу от Арнема, чтобы дожидаться второй волны на другой день. Все кажется слишком спокойным.

Парашютная бригада прибыла через 15 минут, и далее все казалось идущим по плану. Мне особенно нечего делать, потому что мой взвод с пушками должен прибыть только завтра в 9 утра. Так что я остался в штабе батальона. Ночь провел на ферме.

День 2. 18 сентября

18 сентября – 2-я волна высадки десанта союзников и оборонительные действия немцев. SDZ – участки сброса грузов

На рассвете следующего дня 9-я Танковая Дивизия СС *Hohenstaufen* продолжила свои действия по усилению обороны немцев. Батальон Зеппа Крафта ночью отступил назад и присоединился к обороняющейся боевой группе Шпиндлера, поступив под его командование. Это формирование настолько усилилась, что он смог разделить их на две боевые группы. Его оборонительная линия теперь блокировала всю западную сторону Арнема. Разрывы в обороне вдоль реки, которыми накануне вечером воспользовался подполковник Фрост со 2-м Парашютным Батальоном, были полностью ликвидированы.

Ещё до рассвета 1-й и 3-й батальоны покинули Остербек и попытались обойти обороняющихся немцев с юга, фактически повторив манёвр 2-го Батальона, в надежде прорваться вслед за ними к центру Арнема. Наткнувшись на укрепления, в течение нескольких часов десантники пытались прорвать немецкую линию обороны. Однако, постоянно пополняемые силы Шпиндлера выстояли, и к десяти часам утра продвижение британцев было остановлено. Днём последовала более организованная атака союзников, но и она тоже была отбита. Командир 1-й Воздушно-десантной Дивизии, генерал-майор Роберт Эркарт (Robert Elliot Urquhart, 1901-1988), попытался отступить к штабу дивизии в Остербеке, но был отрезан от него и вместе с двумя офицерами вынужден укрыться в доме голландской семьи. Латбери был ранен, и также был вынужден скрываться.

В то же время на мосту части 9-й Танковой Дивизии СС окружили батальон Фроста, отрезав его от остальной дивизии. Около девяти часов утра разведывательный батальон танковой

дивизии, командир которого пришел к выводу, что возле Неймегена его помощь не требуется, направился обратно в Арнем с южного берега реки. Несмотря на известия о присутствии британских войсках на мосту, батальон решил идти на прорыв. В результате двухчасового боя немцы были отброшены назад с большими потерями: половина бронетехники батальона была уничтожена или выведена из строя, а его командир был убит в бою во время штурма. Немецкие атаки по периметру засевших на мосту продолжались в течение всего дня, но британцы стойко держали оборону.

В отсутствие Эркarta и Латбери командование дивизией взял на себя бригадир Филипп Хикс. Он отправил 2-й Батальон Южно-Стаффордширского Полка в Арнем, чтобы тот помог усилить оборону моста. Эта часть выдвинулась утром и во второй половине дня соединилась с 1-м Парашютным Батальоном.

С самого утра немцы начали атаки на позиции 1-й Воздушно-десантной Бригады. Удар наносила боевая группа генерала Ханса фон Теттау (Hans von Tettau, 1888-1956). Небольшие столкновения произошли в районе посадочной зоны X, чего, однако, было недостаточно, чтобы серьезно затруднить посадку планеров. В районе зоны выброски Y голландский батальон СС начал активные боевые действия с батальоном *Приграничных Шотландцев Короля*, что могло осложнить прибытие подкрепления. Связь с прибывающим десантом отсутствовала, поэтому нельзя было их предупредить об атаке. В то же время, из-за отсутствия связи вторая волна десанта не могла предупредить первую о задержке своего прибытия из-за тумана в Англии. 4-я Парашютная Бригада под командованием Джона Хэккетта (John Winthrop Hackett, 1910-1997) вместе с частями артиллерийской поддержки высадились на несколько часов позже запланированного срока. Десантирование было осуществлено после 15.00 под огнём противника. Некоторые самолёты были сбиты, парашютисты понесли потери, однако прибытие бригады в почти полном составе позволило разбить голландцев, которые не проявили высокого боевого настроя и в массовом порядке сдавались в плен.

В целом общие потери среди десантников оставались незначительными, однако, смена обстановки в Арнеме привела к тому, что задачи также изменились. 11-й Парашютный Батальон и оставшиеся части Южно-Стаффордширского Полка были направлены в Арнем, чтобы помочь прорваться к мосту. После наступления темноты они соединились с 1-м и 3-м парашютными батальонами. Решение Хикса отправить 11-й батальон в Арнем ослабляло 4-ю Парашютную Бригаду, чему напрасно попытался возражать Хэккетт. Ему отдали под командование подразделение Шотландского Приграничного Полка с целью обеспечить защиту посадочной зоны L для безопасного прибытия подкрепления во вторник. 10-й и 156-й парашютные батальоны выдвинулись к северу от железнодорожной линии, чтобы занять намеченные ранее позиции к северо-западу от Арнема, но после столкновения части 156-го Батальона с основными силами 9-й Танковой Дивизии СС обе части отступили уже в вечерней темноте.

Вскоре после прибытия подкрепления в зону L был осуществлен первый сброс грузов для десантников. Большая их часть была успешно сброшена, но лишь небольшое количество материалов было получено находившимися на земле британцами, так как область выброски не находилась под их полным контролем. Из-за отсутствия радиосвязи они не смогли предупредить об этом пилотов. В дальнейшем отсутствие полного контроля над намеченными зонами высадки станет серьезной проблемой для союзников.

Генерал Хармель ознакомился с ситуацией близ северного окончания моста:

Я увидел мертвого солдата, лежавшего там, откуда мы не могли его забрать, потому что он был в секторе огня англичан. У них было множество снайперов. Я решил, что наилучшим способом позаботиться об этом будет обстрел из тяжелых орудий зданий [в которых они засели]. Там была артиллерия, и я приказал стрелять по гребням крыш, метр за метром, пока все не обвалится...

Вспоминает панцергренадер Хорст Вебер (Horst Weber), ставший свидетелем того, как 150-мм пушка открыла огонь:

Это был наилучший и наиболее эффективный артиллерийский огонь из того, что я видел. Они стреляли метр за метром, начав с самой макушки. Здания в итоге рушились как кукольные домики... Мы не ожидали, что отобьем у них мост. Это наша артиллерия нанесла поражение парашютистам...

Эрик Маккэй

... Неожиданно в помещении, расположенном в юго-западном углу здания, прогрехотал мощный взрыв. Я поспешил туда с моим ординарцем. Казалось, все помещение было заполнено обломками, а в углу кто-то стонал. Потом я увидел ослепительную вспышку, и следующим, что я помню, было то, что кто-то похлопывал меня по щекам. Меня швырнуло взрывной волной через всю комнату и присыпало битым кирпичом. Весь юго-западный угол школы и часть крыши просто снесло. Все, кто был там, были убиты или ранены. Меня и всех пострадавших отнесли вниз, мой ординарец был ослеплен.

Позднее я узнал, что оружием, которое вызвало все эти разрушения, был противотанковый гранатомет, стреляющий 20-фунтовыми бомбами. Противник не сумел воспользоваться достигнутым, хотя многие парни были в полубессознательном состоянии после этих взрывов. У нас появилась возможность перевести дух, но затишье не было долгим.

Через 20 минут, выглянув из окна, я был изумлен, увидев под ним с десяток немцев, преспокойно устанавливавших на позицию миномет и пулемет. Они переговаривались между собой, и, очевидно, у них сложилось впечатление, что сопротивление, которое оказывали ему оборонявшие это здание, сошло на нет. Оперативная рекогносцировка показала, что мы полностью окружены примерно шестьюдесятью немцами, находившимися от нас где-то в 10 футах и не имевшими понятия о нашем существовании. Казалось, это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Все парни встали в полной боевой готовности к окнам с ручными гранатами на боевом взводе. По сигналу эти гранаты полетели вниз на головы немцев. Немедленно после этого наши пулеметы и автоматы (шесть Бренов и четырнадцать Стенов/Sten) открыли огонь с максимальной интенсивностью. Парни, презрев необходимость хотя бы частично укрыться, стояли на подоконниках, стреляя от бедра. Наступил вечер, но бой не прекращался: все утонуло в шуме, грохот стоял неимоверный: тяжело стучали Брены, на высокой ноте трещали Стены, стоны раненых прерывали разрывы гранат и крики Whoa Mahomet...

Все было кончено через несколько минут: пространство вокруг здания покрыл темно-серый ковер с несколькими разбросанными то там, то тут пулеметами и минометами...

Генерал Хармель

Ожесточение боя в этой части города [в окрестностях моста] нарастало с каждым часом. Было видно, что противник был превосходно подготовлен к городскому сражению и к бою за каждый дом. Он защищал свои оперативно созданные очаги обороны с исключительной решимостью.

Вспоминает панцергренадер Альфред Рингсдорф (Alfred Ringsdorf):

Помню эпизод, когда я стоял рядом с развалинами высотного дома с моим отделением, когда подошел взвод саперов Вермахта. Им командовал лейтенант, который хотел избавиться от вражеского пулеметного гнезда в доме у площади, подорвав его. Из-за этого пулемета мы не могли пересечь площадь и забросить в этот дом взрывпакет. Я добровольно вызвался сделать это и под прикрытием огня парней из моего отделения и саперов рванул через площадь. Я остановился у дерева, стоявшего рядом с подвальным окном, из которого вел огонь пулемет, после чего закинул взрывпакет в это окошко. Англичане в тот момент не стреляли, потому что были вынуждены

укрыться от безостановочного огня моих парней. До этого я приказал им рассредоточиться по кучам каменных обломков, саперы укрылись в высотном доме.

Закинув в окошко взрывпакет, я помчался назад, все еще под прикрытием огня. Когда я подбегал к высотному дому, раздался страшный взрыв, и прямо у меня на глазах дом рухнул, похоронив под собой лейтенанта и его саперов. Не знаю, что это было, попал в него противотанковый снаряд или произошло что-то другое. Если бы я не вызвался подавить этот пулемет, я мог бы оказаться под обломками вместе моими людьми. Должно быть, там были заживо похоронены 10-15 человек. По иронии судьбы, тот мой заряд так и не взорвался. Я уже не помню, как мы в итоге избавились от этого пулемета...

Роберт Кристи

Утром над Мэнстоном повис густой туман, и ни я, ни кто-либо еще не был особенно огорчен тем, что была объявлена задержка вылета. Мы были готовы к отправке, но к тому времени привыкли к тому, что операции или откладывались, или вообще отменялись.

На моем планере, как и на большинстве других, была сделанная мелом надпись. Она звучала так: CHALKIE'S CHUNTER BOX, и причина этого была следующей: с нами был лейтенант Уайт (White), и как любой другой с такой фамилией получил прозвище Chalkie (от слова chalk – мел – ВК). Слово chunter в Британской армии означало ворчать или жаловаться. Водитель джипа, которого звали Боб Хэмптон (Bob Hampton), был известным ворчуном. Так из-за того, что Уайт и Хэмптон оказавшись в одном планере, он получил такое прозвище.

В итоге мы поднялись в воздух около 13.00. Я сидел в хвосте планера Horsa еще с двумя парнями. Это был быстрый полет, с тряской. После пересечения побережья Голландии мы слышали странные шумы, словно что-то рвалось, скрипело и лязгало где-то впереди, под грузом, то есть под джипом и прицепом. Мы сразу же подумали, что разболтались крепления и джип с прицепом сместились. Наш груз весил 7 100 фунтов, что превышало допустимый максимум. При отказе креплений полет планера мог выйти из-под контроля.

Я услышал, как кто-то из парней, сидевших в носу, что-то закричал, пополз вперед вдоль джипа..., туда, где перед носом автомашины была большая дыра в полу планера. Снова шумы, и неожиданно я увидел лучи света, пробивающиеся через угловатые дыры. Вот и источник шума – это был огонь зениток. Я успокоился и вернулся на свое сидение. Мы сняли каски и сели на них, чтобы защитить жизненно важные части тела. Один из артиллеристов молча забрался на капот джипа и уселся на него. Он так и оставался там всю остальную часть полета.

Мы приземлились в северо-западном углу участка высадки близ леса. Где-то пять минут мы отсоединяли хвост планера, потом задним ходом выкатили джип и прицеп по стальным рельсам и отправились к месту сбора, которое находилось на севере участка высадки в перелеске. Мы проехали мимо нескольких [планеров] Хэмилкар/Hamilton и увидели пару планеров, перевернувшихся вверх дном. Я также заметил нескольких парней из противотанковой батареи, изо всех сил пытавшихся стронуть с места тягач 17-фунтовой пушки, у которого были сломаны рессоры. Был кое-какой ружейно-пулеметный огонь со стороны противника, но он как-то не казался особенно беспокоящим.

Местность выглядела совсем не такой, какой я ее ожидал увидеть. Это была волнистая равнина, заросшая густым лесом, встречались красивые дома, причем некоторые из них явно спроектированные под яванским влиянием.

Под огнем противника один из джипов, в прицепе которого были боеприпасы, был подбит и взлетел на воздух, друг Роберта Кристи, Эрик Миллз (Eric Ward Mills), при этом чудом уцелел. Батарея быстро вступила в бой, ведя огонь по противнику на пути к Арнему. Затем артиллеристы заняли позиции на окраине города, к югу от железной дороги Арнем-Амстердам близ станции Остербек.

Эрик Батлер

Вторая волна не прибыла вовремя. В полдень все уже сильно нервничали. Около 25 Фокке-Вульф-190 обстреляли наши планеры – потеря нет.

Парашютная бригада столкнулась с ожесточенным сопротивлением в Арнеме. Мы уже должны были усилить их без артиллерии поддержки и двух стрелковых рот – теперь все выглядит плохо организованным. Вторая волна прибыла в 14.30. Они не могли подняться в воздух из-за сильного тумана.

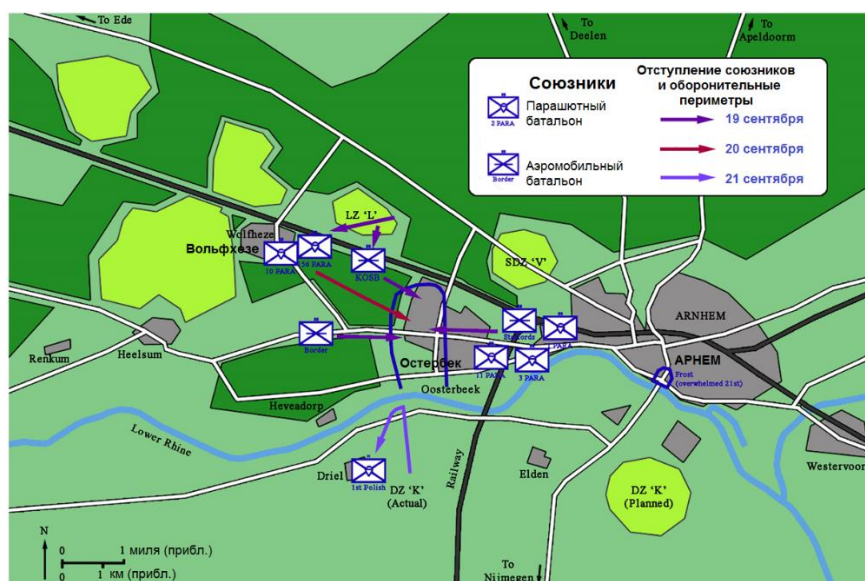
Вспоминает обершттурмфюрер Эрвин Хек (Erwin Heck), Westgruppe, Дивизия Frundsberg

18 сентября мы (Wesrgppe) осуществили наши первые атаки на Ренкум. Мы добились значительного продвижения вперед и разместили штаб полковника (штандартенфюрера) [Михаэля Липперта](#) (Michael Lippert, 1897-1969, командир унтер-офицерской школы Arnheim, на фото справа) в доме врача в Хелсеме/Helseet, где также собрали наших первых пленных. Оттуда мы пробились в Кьевьетсдел/Kievietsdel и Вольфхезе. Неожиданно оказалось, что мы окружены британцами. Бой был ужасным, и чем ближе мы подбиралась к Остербеку, чем более ожесточенными становились наши столкновения с противником. Продвижение вперед затруднилось, потому что мы вступили в залесенную местность.

Войдя в Остербек, мы вступили в бой, который шел один на один и от дома к дому. В ряде эпизодов мы занимали один этаж дома, а враг – другой. Во многих случаях нам приходилось драться, используя лишь пистолеты, потому что это были схватки солдат против солдата. Времени на то, чтобы передохнуть, у нас не было...

День 3. 19 сентября

19-21 сентября – отступление союзников и оборонительные периметры

С подходом *Стаффордширцев* и 11-го Парашютного Батальона на позиции 1-го и 3-го батальонов к западу от Арнема британцы посчитали, что теперь у них достаточно сил для прорыва к позициям Фроста на мосту. Доуби предполагал атаковать противника ещё до рассвета, однако, из-за ошибочного сообщения о разгроме Фроста операция была отменена. Ошибку в полученном рапорте уточнили только незадолго перед рассветом, но в силу приоритета задачи поддержки десантников на мосту было решено всё-таки продолжить наступление. Продвижение в узком секторе фронта возглавил 1-й Парашютный батальон при поддержке остатков 3-го. *Стаффордширцы* прикрывали левый фланг атакующих, а 11-й Батальон продвигался немного позади. С рассветом 1-й Батальон был замечен немцами и остановлен их огнём. Оказавшиеся на

открытой местности под шквальным огнём с трёх сторон передовые британские части потеряли строй и с потерями отступили. Батальон *Стаффордширцев* оказался полностью отрезанным и только около 150 его бойцов избежало гибели и плена. 11-й Батальон, до этого практически не вступавший в бой, при попытке захватить высоту к северу оказался в меньшинстве на открытой позиции. *Стаффордширцы* также пытались закрепиться на высоте, но безуспешно. После того, как стало ясно, что шансов прорваться сквозь оборонительную линию нет, около 500 уцелевших солдат и офицеров из четырёх батальонов отступили на запад в направлении расположения главных сил, находившегося в 5 км от Остербека. Там они были встречены командиром 1-го Аэромобильного Полка Легкой Артиллерии, подполковником Уильямом Томпсоном (William Francis Kynaston Thompson, 1909-1980, на фото слева), который создал оборонительную линию под командованием майора Роберта Кейна (Robert Henry Cain 1909-1974, на фото справа, за проявленный в Арнеме героизм награжден *Крестом Виктории*) в 800 метрах перед занятыми артиллеристами позициями. Тем временем генерал Эркарт сумел пробиться обратно находившийся в Остербеке штаб, где он со своими офицерами впервые смог оценить силы противостоявших ему немцев.

В это время в Великобритании в очередной раз туман воспрепятствовал вылету подкреплений. Тридцать пять планёров третьей волны десанта, на которых должна была прибыть 1-я Польская Парашютная Бригада, были задержаны, что позже имело серьезные последствия.

К северу от железной дороги 156-й и 10-й батальоны натолкнулись на оборонительные позиции противника при попытке захватить высоту к северу от Остербека. Продвижение батальонов было остановлено огнем немцев с хорошо оборудованных укреплений, и в итоге, ко второй половине дня, они так и остались на исходных позициях. В целях усиления оборонительных позиций союзников, и чтобы их части не оказались отрезанными к северу от железной дороги, генерал Эркарт приказал им отойти к Вольфхезе и Остербеку. Британцам пришлось отступать через посадочную зону L, где подразделение Собственного Его Величества Шотландского Приграничного полка ожидало прибытия польской парашютной бригады. Им пришлось вест арьергардный бой с группировкой противника, которой командовал Зепп Крафт. Планеры с подкреплением прибыли как раз к середине отступления, и десантники были вынуждены сразу же вступить в бой, при этом поляки понесли тяжёлые потери. Союзники отступили на юго-запад через железную дорогу, собравшись в лесу на южной стороне, где большинство из них провели ночь.

Во второй половине дня Королевские ВВС запланировали первый крупный вылет для сброса грузов наземным частям: в нем должны были принять участие 164 самолёта с 350 тоннами грузов на борту. Немцы предвидели это и заранее разместили на соответствующих позициях для противодействия союзникам пять зенитных батарей. Как только транспортные самолеты вошли в зону обстрела, 10 из них было сбито, и десантники смогли получить только 28 тонн грузов. Зона выброски V по-прежнему была в руках немцев, но британские лётчики об этом не знали, так как сообщений об этом в Великобританию не поступало.

Люди подполковника Фроста продолжали удерживать оборонительные позиции в районе автомобильного моста, но без снабжения и подкрепления их положение становилось всё более сложным. Немцы поняли, что пехота союзников не в состоянии прорвать их оборонительную линию, чтобы прийти на помощь Фросту, поэтому при помощи танков, артиллерии и миномётов они стали систематически разрушать здания, в которых укрывались британцы. Немецкая авиация, также принимала в этом участие.

Эрик Маккэй

К утру я был вынужден раздать людям дополнительные таблетки [бензедрина](#). Никто из них не имел возможности поспать уже в течение 72 часов. Воду выдавали последний раз 12 часов назад, еду – 24 часа. Как и ожидалось, с рассветом со стороны реки подкатили [немецкие] танки, их поддерживала пехота. Теперь мы были одни к востоку от моста. Все здания вокруг были сожжены за исключением стоявшего на противоположной стороне перекрестка, и занимали его немцы.

*За два последующие часа мы отбили три атаки. Здание школы теперь напоминало решето. В какую стороны ни посмотришь, везде ты видел дневной свет. Стены больше не защищали тебя от пуль, пол был завален щебнем, с потолков свисали куски штукатурной дранки, все было покрыто пылью. Повсюду была кровь: лужи на полу, потеки на солдатских комбинезонах, ручейки, стекающие вниз по лестницам. Хуже всего выглядели сами люди: красные от бессонницы глаза, лица, покрытые пороховой гарью и трехдневной щетиной. У многих были легкие раны, и в разрезах одежды были видны наскоро сделанные, набрякшие кровью перевязки. Люди сгруппировались в двойки и тройки, каждая небольшая группа занимала позицию, для которой требовалось вдвое больше людей. Единственным, что сохраняло чистоту, было оружие: оно сверкало под утренними лучами солнца. Глядя на парней, я понял, что не было необходимости давать им приказ сражаться до последнего патрона и до последнего человека. Они сознавали свое превосходство над противником: вокруг них лежало вчетверо больше вражеских трупов, чем их самих. К десяти утра противник прекратил попытки взять школу штурмом. Немцы сконцентрировали свои усилия на тех, кто закрепился на позициях под мостом – их было около 80 человек, уцелевших из 100, вступивших в первый в бой. Они были уничтожены к двум часам дня, когда мы в последний раз прокричали *Whoa Mahomet*, но ответом была тишина. Теперь наше полное поражение было только вопросом времени...*

Панцеры в Арнеме...

Роберт Кристи

На рассвете 19-го 2-я Батарея получила приказ переместиться южнее, ближе к городской церкви. Мне сказали отправиться туда заблаговременно с частью моих приборов (треногой и буссолью) и разметить позицию для 75-мм гаубиц. Джип вел Джок Гордон (Jock Gordon). Возле церкви я встретил командира полка, подполковника Томпсона по кличке Шериф. Он сказал мне, что 1-я и 3-я батареи уже на месте, а 2-я готова отправиться в путь. Он показал мне, где хотел бы расположить мое Отделение С. Эта позиция находилась по другую сторону дороги Benedendorpsweg, между церковью и большим белым домом (ter Horst) на открытой местности. К участку примыкало большое здание (Мьюзик Холл), слева находились прачечная и еще один дом.

Здание ter Horst было ключевым пунктом всего сражения. Здесь британцы разместили перевязочный пункт. В нем получили первую помощь около 250 раненых, в соседнем саду были похоронены 65 человек.

Я устанавливал мои приборы, когда на участке появилось голландское семейство. Они представились как мистер и миссис ван Долдерен (van Dolderen), с ними была их дочка Тони. Они пояснили, что им принадлежит прачечная и соседний дом. По моим прикидкам, это была пара среднего возраста, а их дочке было лет 19-20. Я свободно говорил по-немецки: я учил этот язык в школе в Данди, и меня ранее привлекали к допросам пленных в Сицилии. Мы несколько минут поговорили по-немецки, и стало ясно: больше всего эти люди боятся того, что британцы уйдут. Мужчина прямо спросил меня: «Вы пришли, чтобы остаться?» или: «Это освобождение?» Постепенно я убедил его в том, что это освобождение и что британцы останутся здесь. «Вы можете рассчитывать на то, что другие могут подойти с юга в любое время,» - добавил я.

Они пригласили меня к себе в дом на чашку чая, как только я закончу свои дела. Мы сели напротив крыльца, попивая чай. Я поделился с ними кое-какими сладостями, говорили мы о мире. Потом с расстояния в две-три сотни ярдов от нас, из-за поворота дороги до нас донеслись треск пулеметных очередей и резкие щелчки винтовочных выстрелов...

Вечером этого дня, еще до того, как на место прибыли гаубицы, я услышал о том, что нашими у КП 3-й батареи, юго-западнее дома ter Horst, был взят в плен немец. Мне стало интересно, и я отправился искать этот КП. Он находился в подвале небольшого дома. Спустившись в него, я увидел в тусклом свете несколько столов с разостланными на них картами и рацией. В подвале было четверо или пятеро солдат. Напротив, в углу стоял высокий, худой и довольно испуганно выглядевший немец, на котором была длинная шинель и полевое кепи. Он выглядел изрядно истощенным, на вид ему было лет 35-40. Я подошел к нему и спросил по-немецки: «Имя, звание и личный номер». Немец встало по стойке смирно и сообщил эти сведения. Я начал допрашивать его. Он сказал, что служил водителем грузовика в транспортной роте. Они в воскресенье (17-го) находились в 30-40 милях от Арнема, когда людей неожиданно усадили в грузовики, и они тронулись в путь. Было несколько остановок, поступали приказы, которые потом отменяли. Сначала они ехали в одном направлении, потом в другом. Стало очевидно, что это человек был настолько сбит с толку всем произошедшим за последние 48 часов, что и сам не имеет понятия, где он находился в понедельник и вторник. У меня было такое чувство, что он почти счастлив, что попал в плен: по меньшей мере, теперь он знал, что с ним случилось.

Я говорил с немцем минут 10-15, потом доложил офицеру о том, что немец, по всей видимости, ничего толком не знает. Я ушел, вернулся на свой участок, и через несколько минут начали прибывать наши гаубицы. Их было три: четвертая куда-то пропала, предположительно, она была потеряна вместе с планером.

Четвертая гаубица находилась в планере, у которого в воздухе оборвался буксировочный трос и который приземлился, не долетев до зоны высадки. Ее расчет попал в плен. По-

видимому, немец, с которым говорил Роберт Кристи, был из числа военнослужащих, попавших в наспех собранные части усиления обороны, среди которых были как возрастные, так и очень молодые солдаты. Вспоминает Вальтер Харцер: «Там была группа из рабочих в составе подкреплений: это были ребята 16-17 лет. Большая часть подкреплений в плане боеспособности имела незначительную ценность. Это наземный персонал (*Люфтваффе – ВК*) и военные моряки. Даже офицеры не имели фронтового опыта...»

Роберт Кристи

Мы установили одну гаубицу в северо-западном углу поля, еще одну – в центре, ближе к дороге, а третью на противоположной стороне улицы, между церковью и домом ter Horst. Мы вырыли окоп для КП позади и правее центрального орудия.

Эрик Батлер

Я вступил в контакт с моим взводом из четырех пушек в 08.30. Все были на месте, все было в порядке – так я доложил в штаб дивизии лейтенанту Брайану Истону (Brian Easton), командиру батальона. Рэй Диккенс (Ray Dickens) был повышен в звании до капитана и назначен заместителем командира Роты Е. Я попытался продвинуться к мосту, где были остановлены роты А и В с комбатом – уже за окрестностями города (имеется в виду Остербек – ВК), где ситуация была довольно нестабильной (очевидно, Батлер имеет в виду неудавшуюся попытку Стаффордширцев пробиться в Арнем – ВК). Потерял контакт с комбатом и ротами А и В – все рации вышли из строя.

День 4. 20 сентября

К двадцатому сентября сил союзников уже было недостаточно для организации очередной попытки прорваться к позициям Фроста. Из девяти пехотных батальонов только один по-прежнему представлял собой полноценное боеспособное подразделение, в то время как остальные понесли тяжёлые потери или были разбросаны на местности. Эркарт принял непростое решение о создании оборонительного периметра вокруг Остербека, фактически не оставлявшее шансов 2-му Парашютному Батальону. Удерживая недействующую паромную переправу, Эркарт надеялся продержаться до прибытия 30-го Корпуса, который должен был создать новый плацдарм на Рейне, восстановив паромную переправу.

Положение в восточной части Остербека тем временем стабилизировалось. Многочисленные группы британцев защищали подступы к городу. Майор Ричард Лонсдейл (Richard Thomas Henry Lonsdale, 1913-1988) принял под свое начало наиболее удалённые группы, которые отошли от Арнема в предыдущий день и чьи позиции подвергались наиболее ожесточенным вражеским атакам, прежде чем им удалось отступить обратно к основному оборонительному периметру. Сектор Лонсдейла оставался основной линией обороны в юго-восточной части периметра. *Приграничные Шотландцы* удерживали западную часть города, также частично заполняя пробелы в обороне северного направления. Поскольку всё больше сил отступало к новому оборонительному периметру, они были реорганизованы, сформировав оборонительный периметр в форме пальца, упировавшегося в южной части в Рейн.

С самого утра смешанные подразделения в Вольфхезе начали отступление к Остербеку, некоторые из них были окружены и были вынуждены сложить оружие. 150 человек 156-го Парашютного Батальона с его командиром Джоном Хэккеттом оказались в окружении и укрылись в ложбине в 400 метрах к западу от оборонительного периметра Остербека. Только ближе к вечеру около 90 из них прорвались в расположение *Приграничных Шотландцев*.

Снабжение в этот день улучшилось. Наконец-то в Великобританию было передано сообщение, в котором была обозначена новая точка выброски в Остербеке. Несмотря на это некоторые самолёты сбросили груз в посадочной зоне Z, где тот попал в руки немцам. Противник успешно использовали принятые у британцев сигналы для обозначения зоны доставки, и многие пилоты были введены в заблуждение. Десять самолётов были сбиты около Арнема, и только 13 % грузов попало в руки британцев.

Подполковнику Фросту всё-таки удалось наладить радиосвязь с командованием десантной группировкой и узнать, что подкрепления ждать, скорее всего, не имеет смысла. Вскоре после этого, примерно в 13.30, Он получил ранение в ноги в результате миномётного обстрела. Командование перешло к майору Чарлзу Гофу (Charles Frederick Howard Gough, 1901-1977, на фото слева), но к концу дня дальнейшее удержание оборонительных позиций стало невозможным. Когда многие здания с ранеными оказались охваченными огнём, возникло двухчасовое затишье в битве. Раненые, в том числе и Фрост, были взяты в плен. К 05.00 утра следующего дня сопротивление на мосту прекратилось. В последние часы битвы с моста было отправлено радиосообщение. Оно не было получено британцами, но было перехвачено немцами. Последние его слова были следующими: «Закончились боеприпасы. Боже, храни короля».

20 сентября немцы приступили к систематическому обстрелу здания школы из танковых пушек и минометов. К этому моменту из 50 бойцов первоначального состава в живых оставалось 45 человек, 31 из них был ранен. Еще несколько человек было убито при попытке прорваться из окружения небольшими группами. Попав в плен, Маккэй 21 сентября сумел бежать вместе с капралом Веаром (Weir) и сержантом Хамфрисом (Humphreys) и 23-го добрался до своих.

Джеймс Симс

Казалось, немцам было интересно видеть нас вблизи, как и нам их. Все они говорили по-английски, они раздавали нам кофе, колбасу и черный хлеб. Им было приятно, что они одержали победу в этом бою, и атмосфера была такой, будто только что закончился футбольный матч. В самом деле, они были столь дружелюбны, что я было решил, что это обычные солдаты, а не СС. Некоторые из них были в брюках цвета хаки и британских башмаках, у некоторых были британские автоматы Sten. Однако на всех были обычные немецкие каски и куртки.

Один из капитулировавших британцев делится едой с немцем

Нам разрешили сесть по обе стороны дороги, раненые были по одну сторону, включая меня. Молодой эсэсовец застрелил одного из наших парней, потому что тот хотел сохранить при себе свой бумажник. Когда этот самый немец подошел ко мне, я уже к этому моменту вывернул все свои карманы и положил их содержимое на колени. «У вас не должно остаться что-то, имеющее отношение к боевой ситуации. Вас обыщут еще раз, и, если что-то [подобное] будет обнаружено, вас расстреляют,» - сказал немец. Личные вещи его не интересовали.

Среди нас был молодой парень из голландского Сопротивления – у него были сильно обожжены руки, когда он бросал из окна фосфорную гранату. Его выволокли из наших рядов, заставили встать на колени и выстрелили ему в затылок. Когда его тело свалилось на землю, офицер СС сказал следующее: «Так мы поступаем с теми, кто предал Третий Рейх.» Помню только этого парня из голландского Сопротивления, и пристрелили его без промедлений.

Томас Эмир Дэйвис

Вторая волна десанта из Англии не прибыла вовремя, задержавшись из-за плохой погоды над аэродромами. По иронии судьбы, в Арнеме стояла прекрасная погода. Многие местные жители попрятались в подвалах, пока шли бои. Другие бежали в условиях неразберихи, когда очаги сопротивления были разбросаны по площади, многие пали жертвой перекрестного пулеметного огня и артиллерийских снарядов. Никто не знал, что посоветовать им и в каком направлении им будут лучше всего уходить. Местами город горел, потому что немцы ввели в действие огнеметы, и быстро превращался в инферно: на наши позиции падали снаряды, давая начало пожарам. Безжалостные обстрелы были беспорядочными... Один молодой парень начал метаться, закрыв лицо руками: оно было забрызгано кусками окровавленной плоти. Прямо на его товарища упал снаряд, разбросав частицы его тела по всем направлениям. Ужас и шок от произошедшего ошеломили его и едва не свели не с ума...

Немцы в бою на одной из улиц Аарнема...

Позднее мы узнали, что из-за утечки секретной информации немцы ожидали появление воздушного десанта где-то в центре Голландии, и держали в резерве танковую дивизию, чтобы она могла немедленно вступить в бой, если появится необходимость.

Как следствие, это было всего лишь вопросом времени, прежде чем противник с его тяжелой техникой начал брать вверх, пробиваясь в город с севера. Заняв дома, господствующими над нашими позициями у берега реки, они забрасывали нас гранатами, вынуждая уходить в подвалы с тыльной части зданий, где нам приходилось вступать в рукопашные бои.

После того, как нам в нескольких зданиях удалось пробиться наверх, используя гранаты, немцы отступили на расположенный над нами этаж. Вскоре мы услышали лязг и грохот танковых гусениц, продвигавшихся в нашу сторону. Приблизившись, командиры танковых экипажей стали призывать нас сдаться, но мы держались, потому что знали: остается небольшая вероятность того, что придут союзники и выручат нас. Издалека до нас доносился грохот тяжелой артиллерии, и мы предположили, что это 2-я Британская Армия генерала [Брайана Хоррокса](#) (Brian Horrocks). В воздухе находилось множество самолетов союзников, но они не имели возможности определить, где находимся мы, а где немцы, потому что боестолкновения происходили повсюду...

Танки начали обстрел зданий, в которых мы укрывались, их стены ходили ходуном. Поднялись облака пыли, повсюду летели обломки кирпичей и стекла. Наш взводный лежал полу, истекая кровью: мы кое-как сумели перевязать ему рану в плече... Мы сожгли все документы и карты, которые, как мы полагали, могли оказаться в чем-то полезными немцам. Наше положение выглядело безнадежным, боеприпасы почти кончились, люди были обессилены, оставаясь без сна уже двое суток. Неожиданно наступило короткое затишье – вопли и пальба со стороны улицы прекратились. Эта зловещая тишина наводила больший страх, чем крики немцев. Билл Уилсон (Bill Wilson) произнес со своим сильнейшим шотландским акцентом: «Что за чертовщина происходит?» Слово в ответ на его вопрос в дверном проеме выросла тень, и появился молодой немецкий солдат в сопровождении двух других. Им не могло быть больше 17 лет. Их оружие дергалось в их руках, это говорило о том, что они нервничали и были в возбужденном состоянии, когда кричали «хенде хох». Я уверен в том, что любое бездумное или неосторожное движение с нашей стороны было бы самоубийственным. Они вне всякого сомнения изрешетили бы нас...

Немцы обыскивают сложивших оружие парашютистов...

Мы кивнули на нашего офицера, лежавшего на полу, давая понять, что о нем нужно побеспокоиться. Они вывели нас на дневной свет, где находились другие немецкие

солдаты, по форме которых можно было определить, что они были из танковой дивизии СС. Они стояли шеренгами в саду за домом, их указательные пальцы лежали на курках. Нас провели по улице и затолкали в поджидавшие нас грузовики, отправлявшиеся в тыл... Мы ехали по очаровательной голландской сельской местности. Жители деревень, через которые мы проезжали, казалось, побаивались демонстрировать свои истинные чувства, опасаясь мести со стороны немцев. Это стало ясно после эпизода, в котором веселая старая дама прокричала что-то непонятное, махнув нам рукой и стараясь приободрить нас. Сопровождавший нас светловолосый немец-фанатик выстрелил в нее из своего Маузера. Она отшатнулась к стене дома, но тут грузовик повернул за изгиб дороги, и мы так и не узнали, была она убита или ранена...

Альфред Рингсдорф

Я увидел, как кто-то выглянул из окна подвала. Моей немедленной реакцией было намерение забросить в него гранату. Потом я услышал крик «No! No!» и стоны. Я уже выдернул чеку гранаты, так что пришлось бросить ее в направлении другого здания. Потом я спустился в этот подвал, оставаясь начеку на случай какой-нибудь ловушки, и вошел туда, сказав: «Hands up!» Подвал был забит ранеными английскими солдатами. Они были очень испуганы, так что я сказал им: «It's OK, it's good.» Я взял их в плен и организовал их отправку туда, где им могли показать помощь. Эти раненые парни были совершенно беспомощными, и многих пришлось выносить оттуда. Выглядели они ужасно...

Рингсдорф проявил впечатляющую выдержку, потому что его командир, обершттурмфюрер Фогель, которого он очень уважал, только что был почти перерезан пополам очередью из британского пулемета...

Роберт Кристи

В среду, на рассвете, наскоро выпив чаю, я пошел в прачечную, чтобы умыться и побриться. Стоило мне поднести бритву к подбородку, как немцы начали обстрел нашей позиции из своих шестиствольных минометов. Я стер пену с лица и выскочил на улицу... Из находившихся к северу зарослей и с крыш домов, расположенных северо-восточнее, вели огонь снайперы, и я заметил, что сначала, вроде как, они игнорировали людей и стреляли по нашей технике. На протяжении всего сражения нас донимали как большое количество снайперов, так и непрерывный пулеметный огонь, минометы и самоходная артиллерия противника. По счастью, они были в основном плохими стрелками, но представляли из себя постоянную угрозу, которая ощущалась на индивидуальном уровне и по этой причине сильно давила на психику.

Около 10 утра неожиданно начался сильный минометный и артиллерийский обстрел позиций Отделения С. На нас обрушился град мин небельверферов. Начиная с этого момента, темп и напряжение боя быстро достигли крещендо и уже не ослабевали на протяжении всех последующих дней. События, происходившие под Арнемом вплоть до этого момента, относительно ясно сохранились в моей памяти, но, если говорить о том, что случилось позднее, у меня осталось лишь общее представление о нескольких особенно значимых эпизодах.

Я помню, как мы в тот день вели огонь по нескольким целям, включая прилегающие к Арнемскому мосту. Я отвечал за получение привязок к карте от артиллерийских офицеров, находившихся на передовой вместе с различными батальонами, и конвертировал их в установки прицеливания для наших гаубиц.

Одна из гаубиц Отделения D 2-й Батареи в бою 20 сентября. Слева направо артиллеристы Миллер (Miller), Дэйви (Davey), Эслоп (Aslop) и Прентис (Prentice). Все они после окончания боев попали в плен...

Одна из наших целей носила прозвище Mike – так ее назвал командир батареи – это были вражеские грузовики и пехота в районе южного въезда на Арнемский мост. Я также помню, что одной из целей был пригородный поезд, который, по-видимому, был на электрической тяге и остановился на северной стороне реки, рядом с железнодорожным мостом. Считалось, что немцы сконцентрировались возле него, но ни одного из них мы так и не увидели. Мы выпустили по нему несколько снарядов, но, насколько я помню, ущерб от этого был незначительным.

Эрик Батлер

Противник попытался атаковать нас и оттеснить на запад. Мы были настроены удержать наши позиции, но несли от минометного огня тяжелые потери. Поступило сообщение о приближении [вражеских] танков, поэтому я быстро развернул [противотанковые 6-фунтовые] пушки на обочине дороги. Под началом майора Бьюкенена (Buchanan), комроты S, сколотили группу из остатков всех батальонов всех бригад.

Артиллеристы 2-го Батальона Южно-Стаффордширского Полка в бою на западной окраине Остербека

Подошли танки, но мы устояли. Все мои пушки выведены из строя.

Эрик Батлер

В ходе боя геройски погиб сержант Джон Баскифилд (John Baskeyfield, род. в 1922 г., на фото слева), посмертно он был награжден Крестом Виктории (здесь лейтенант Батлер ошибся: Баскифилд погиб 22 сентября – ВК). Меня ранило в запястье, и моя рука онемела.

Мы оставались под сильным огнем минометов и Стонущих Минни/Moaning Minnie (небельферферов) и постоянно несли потери. От 30-го Корпуса никаких новостей – я начал терять какую-либо надежду на его прибытие. К югу от реки высадились польские парашютисты, чтобы попытаться создать плацдарм для 30-го Корпуса – никакого результата. С воздуха сбрасывают грузы – большая их часть попадает в руки противника. Раненым срочно требуются медицинские средства. Рука моя болит уже чертовски сильно. Но мы все еще держимся – продержались ночь с 20-го на 21-е.

Вальтер Харцер

20 сентября, в послеполуденные часы, была предпринята концентрированная атака с востока на запад, на Остербек. Несмотря на то, что она была поддержана артиллерией и танками, британцы ответили сильным огнем. Они мужественно оборонялись и удержали свои хорошо укрепленные позиции.

В позднелуденные часы при поддержке танков атакующие сумели отбить у британцев несколько улиц и вбить значительный клин в их оборону на восточной стороне [периметра]. Британцы контратаковали с севера, их пехотинцы часто дрались с примкнутыми штыками. Здесь мы тоже сумели отбить у них часть территории, но потери были очень тяжелыми у обеих сторон.

Участок местности, отбитый у британцев в дневное время, был снова частично занят ими во время ночной атаки их ударных частей.

Силы Харцера были усилены артиллерийскими и минометными частями, и, по его словам, с этого момента у британских солдат не было ни минуты отдыха.

День 5. 21 сентября

Британцы, которые удерживали Арнемский мост, дали возможность американской 82-й Воздушно-десантной и британской Гвардейской Танковой дивизиям захватить Неймегенский мост. Все утро немцы зачищали от уцелевших британцев пространство, примыкающее к Арнемскому мосту. Несколько часов заняла расчистка моста от сгоревшей техники, после которой *панцеры* получили возможность переправиться через реку и усилить позиции под Неймегеном. После того, как было подавлено сопротивление защитников Арнемского моста, у немцев высвободились силы для атак на Остербек, хотя после полудня ситуация изменилась.

Ранее задержавшись из-за непогоды, парашютисты 1-й Польской Парашютной Бригады [командир – [Станислав Сосабовский](#) (Stanisław Sosabowski)] около 17.00 высадились под

огнем и понеся ощутимые потери на южном берегу Рейна близ Дрилла//Driel. Выйдя к реке, они обнаружили, что парома нет: паромщик перерезал тросы, чтобы его не смогли использовать немцы, а сам паром уплыл вниз по течению. Прибытие поляков ослабило давление на британцев: немцы были вынуждены перебросить дополнительные силы на южный берег Рейна.

*Вид на паромную переправу через Рейн в районе Остербека за два года до войны.
Ширина русла реки здесь около 250 ярдов*

В Остербеке британцы консолидировали свои позиции и организовали две оборонительные линии. Хикс взял под свою команду северную и западную стороны периметра, Хэккетт – восточную. Линии состояли из пунктов обороны в домах и окопах вокруг центра Остербека, штаб дивизии разместился в отеле *Hartenstein*. Периметр был примерно 3 мили в длину, его обороняли примерно 3 600 человек. Курсанты унтер-офицерской школы *Hermann Göring* атаковали западный фланг периметра близ Рейна, вынудив британцев оставить тактически важные высоты, господствующие над городом. Британцам сильно поднял настроение контакт с 64-м Полком Артиллерии Среднего Калибра/64th Medium Regiment 30-го Корпуса, обстрелявшим немецкие позиции вокруг периметра.

Британцы видели, как высаживаются поляки, но не смогли вступить с ними в контакт по радио. Вечером этого дня капитан Людвик Зволански (Ludwik Zwolanski, 1916-1991, на фото слева, позднее участник [войны в Копее](#) в составе австралийского контингента), офицер связи при штабе Эркарта, переплыл через Рейн, чтобы передать соотечественникам информацию о планах командования. Британцы запланировали переброску в этот сектор надувных плавсредств для того, чтобы ночью переправить на северный берег поляков. Последние ждали до 03.30, но плавсредства так и не прибыли, и им пришлось отступить к Дрилу и занять там оборону.

Роберт Кристи

В поздние послеполуденные часы, когда поляки высаживались близ Дрилла, все вражеские орудия как будто замолчали. Обстрел, который до этого момент продолжался без перерывов, неожиданно остановился, и вся вражеская артиллерия сконцентрировалась на находившихся в воздухе самолетах. Я помню, что был в курсе: высаживаются поляки, но мы не стали тратить много времени на то, чтобы разглядывать их. Передышка была слишком драгоценной, чтобы стоять и пялиться на парашютистов. Вместо этого мы воспользовались паузой для того, чтобы передвинуть джипы и технику,

вырыть новые окопы для пушек, подтащить к ним боеприпасы, привести в порядок маскировку и отбросить подальше снарядные гильзы.

Вспоминает Славомир Квятковски (Slawomir Kwiatkowski), младший капрал/*starszy strzelec podchorazy*, 9-я Рота, 3-й Батальон, 1-я Польская Отдельная Парашютная Бригада

Я покинул самолет с 19 парашютистами 21 сентября. При приземлении нас разбросало по большой площади. мы собрались у Рейна и провели там всю ночь под огнем немецких пулеметов и минометов. Паром, на котором, как ожидалось, мы переправимся через реку, был потоплен, и в поле зрения не было ни одной лодки.

Эрик Батлер

На рассвете опять минометный огонь, и я решил, что нам придется отходить в конце дня, так как мы понесли слишком большие потери. Ребята сражаются великолепно, но из 8 пушек у нас остались только 2. Около 16.00 начали отход. Остальная часть дивизии находилась в Остербеке. Когда стало темнеть, я пошел на полковой перевязочный пункт, который разместился рядом с церковью. Там я первый раз за два дня поел – выпил чашку чая и съел галету, попозже – немного супа. Утром я покинул этот пункт, и пока шел назад, в пяти ярдах от меня разорвалась мина. Меня перебросило через стену, там меня подобрала и оттащила на тот же перевязочный пункт.

Дни 6-й и 7-й. 22-23 сентября

22 сентября

Ночью немцы, перешедшие на южный берег, сформировали заслон вдоль железной дороги, сомкнув позиции с находившимися южнее частями 10-й Дивизии СС и заблокировав полякам выход к Арнемскому мосту. Последние хорошо окопались в Дриле, и немецкая бронетехника не сумела съехать с главной дороги, чтобы атаковать их. Настроение у союзников поднялось, когда три бронеавтомобиля 30-го Корпуса сумели обойти немецкие позиции и пробиться к позициям поляков. За ним и после наступления темноты последовали танки Батальона 4/7 Королевских Гвардейских Драгун / 4th/7th Royal Dragoon Guards и пехота 5-го Батальона Легкой Пехоты Герцога Корнуоллского/Duke of Cornwall's Light Infantry. За ними через узкий коридор продвигались остальные части 43-й Уэссексской Дивизии/Wessex.

Польские парашютисты под Арнемом...

В Остербеке продолжались ожесточенные бои. Из-за непрерывного обстрела силами артиллерии и снайперов у британцев росло число раненых – ими были забиты перевязочные пункты в отелях и домах. В 9 утра начались интенсивные атаки силами различных боевых групп 9-й Дивизии СС с востока и Боевой Группы *von Tettau* с запада. Немцы не добились существенного продвижения, но за ними после полудня последовали новые одновременные удары с севера и с востока. На севере немцам удалось на короткое время потеснить *Приграничных Шотландцев*, но те контратаковали и вернули утраченные позиции. Эркарт признавал бесполезность удержания тактически малозначимого северного окончания периметра и приказал своим частям отступить и сформировать более короткий сектор обороны. На востоке остатки 10-го Парашютного Батальона были почти полностью уничтожены на дороге, ведущей к Арнему, но немцы не сумели продвинуться далеко.

Двое штабных офицеров Эркарта днем переплыли Рейн и вступили в контакт со штабом Сособовского. Была организована доставка шести надувных лодок на северный берег. Чтобы дать полякам возможность переправиться через реку и усилить оборону Остербека. Ночью план был приведен в действие, но трос, с помощью которого собирались тянуть лодки, порвался, и имеющихся малых весел было недостаточно для эффективной переправы через реку. До рассвета всего 55 поляков перебрались на северный берег, и всего 35 из них добрались до периметра.

23 сентября

Шпиндлер получил приказ переместить направление своих атак южнее, чтобы оттеснить британцев от реки и пресечь переброску им подкреплений. Энергичные попытки немцев осуществить это провалились. Тем временем непрерывные артобстрелы продолжали наносить британцам потери.

Улучшение погоды дало Королевским ВВС возможность приступить к нанесению ударов по позициям немцев под Остербеком. *Тайфуны/Typhoon* и *Тандерболты/Thunderbolt* весь день обстреливали позиции противника, иногда вступая в воздушные бои с истребителями *Люфтваффе*. После полудня британцы попытались в последний раз сбросить осажденным частям грузы, но потеряли 8 самолетов, доставив наземным войскам самый минимум. В следующие два дня будут предприняты еще несколько маломасштабных попыток сброса припасов с воздуха, но эффект от этого был незначительным.

К югу от реки поляки подготовились к еще одной попытке переправиться на северный берег. С вечера они ждали доставки штурмовых лодок 30-го Корпуса, но они прибыли уже после полуночи, и многие были без весел. Переправа началась в 03.00 при огневом прикрытии со стороны 43-й Уэссексской Дивизии. За оставшиеся до рассвета часы переправились 153 человека – менее ¼ от ожидаемого числа.

Славомир Квятковски

Рано утром мы отступили к деревне Дрил, чтобы подготовиться к обороне, ожидая атаки со стороны немцев. Мой друг Бартек (Bartek) и я выкопали противотанковый окоп неподалеку от церкви. Весь день наше отделение было в разведке, и после наступления темноты мы вернулись к Рейну, чтобы попытаться переправиться через него, поскольку британцы звали нас помочь им в обороне. Это удалось сделать только части 7-й Роты с помощью небольших надувных плотиков, которые притащили с участка приземления. Все время мы были под огнем артиллерии и минометов со стороны высот Westerbouwing.

Вспоминает Хайнц Аккерманн (Heinz Ackermann, на фото слева), обер-ефрейтор, унтер-офицерская школа ночных истребителей, *Люфтваффе*

Мы перешли через Рейн по мосту, на котором лежали наши обгоревшие и убитые товарищи из Ваффен СС. Потом мы собрались близ Дрилла, где слились с ударными частями эсэсовцев. Наша позиция находилась метрах в 300 от деревни. Там я встретил голландскую семью, которая нашла укрытие в одной из траншей и теперь оказалась посреди поля [предстоящего] боя. У мужчины была сильно повреждена рука. Я и мой товарищ быстро перевязали ее и помогли им пройти через ограждения и покинуть поле боя. Потом наш унтер-офицер Шписс (Spiess) приказал нам идти в атаку: «Вперед, молодежь, бегом!», после чего получил пулю

в голову...

Мы ворвались в деревню, начался ближний бой. Мы рассредоточились по обе стороны от дороги. Парни, которые были справа, стреляли влево по окнам, парни слева - вправо. В домах были ближние стычки. В одном из домов я увидел лежавшего на полу польского солдата, его рация все еще работала, но он, по всей видимости, был убит в ходе нашей атаки. Бой продолжался все послеполуденное время, и польские парашютисты оборонялись с фанатизмом. Через какое-то время наш боевой дух угас, и многие мои товарищи были убиты.

Неожиданно мы попали под сильный ружейный огонь и больше не могли продвигаться дальше. Какой-то вражеский наблюдатель занял удобную позицию, с которой хорошо просматривалась улица. Я попытался подобраться к нему поближе, но точно не знал, где он находится. Осторожно выглянув за угол дома, я ощутил сильный удар по моей винтовке – он пришелся по прикладу и едва не задел мою ручную гранату. В тот же момент я увидел, как в одной из стрелковых ячеек исчез берет. В тот момент мне некуда было отступать, потому что все пространство просматривалось противником. Я кинул одну из моих гранат в сторону той ячейки, но промахнулся. Вторая легла точно в нее, и я никогда не забуду этот вопль вражеского солдата, сидевшего там, где разорвалась граната.

Дорога вперед была открыта. За боем наблюдал лейтенант, укрывавшийся в соседнем доме. Благодаря его представлению, 1 октября я был произведен в унтер-офицеры за храбрость в бою. Немного позднее я нашел пулемет MG15 и боеприпасы к нему. Атака продолжалась. Через какое-то время, не знаю почему, я оказался сам по себе. Теперь мне нужно добраться до места сбора, и по дороге я встретил двоих своих товарищей. Близ Дрилла мы наткнулись на польского лейтенанта, который лежал в траншее рядом с раненым товарищем. Мы перевязали его раны и отправили его назад, к своим, и он благополучно добрался туда. Такие парашютисты, как он, дрались по-честному, и мы не стали убивать его, потому что было видно, что он был ранен.

Теперь настала наша очередь перебежать через поле боя. Когда мы рванули вперед, по нам открыли огонь пулеметы. Их расчеты целились неплохо, и пули пролетали в 20-30 сантиметрах от меня. Когда я залег, несколько пуль легли рядом со мной, одна попала в мою фляжку, висевшую у меня на поясе (я до сих пор храню ее). К тому моменту я потерял не только свою винтовку, но и две ручные гранаты, да еще остался без воды.

Тем временем по нам открыли огонь минометы. В итоге я сумел пересечь поле боя и найти укрытие. Когда мы добрались до края травянистого луга, я увидел небольшой ручей шириной пару метров – нам нужно было перебраться через него. Я сделал это в один прыжок. За мной прыгнул лейтенант, и тут же позади него разорвался снаряд: его разорвало в клочья, когда он был в воздухе. Части его тела разлетелись во все стороны, труп упал в ручей. После этого я выбросил в воду несколько пулеметных магазинов, чтобы облегчить себе дальнейший путь: до этого при мне их все время было пять. Я взял один про запас, еще один оставил в пулемете. Через какое-то время я добрался до места сбора, но не встретил ни одного из моих товарищей: в основном они были ранены или убиты. Из моего отделения я остался единственным, кого никак не зацепило...

Роберт Кристи

У меня не осталось отчетливых воспоминаний о событиях этих дней, но я помню чувство пребывания в гуще сражения. Я помню непрерывный шум, но у меня нет слов, чтобы описать его. Шум становился все сильнее и сильнее. Было трудно думать о чем-то с какой-то определенностью, не говоря уже о том, чтобы производить вычисления на КП отделения. На нас непрерывно падали мины и снаряды, по нам вели огонь из стрелкового оружия, грохотали наши гаубицы. Иногда появлялись другие шумы: стук гусениц немецких танков по брусчатке, рев дизельных двигателей, взрывы взлетающих на воздух машин и боеприпасов, рыдания и вопли. Всему этому не было конца. Усталость была большим испытанием, чем голод. Мы могли поспать только от случая к случаю. Совсем немного, и этот сон прерывался грохотом, разрывами снарядов и призывами проснуться. Физические и психические усилия давались со все большим трудом, но мы справлялись и хорошо делали свое дело.

Находясь на КП, я был вынужден постоянно искать свои инструменты, планы и расчетные бумаги, потому что все это постоянно разлеталось по сторонам из-за взрывов и из-за того, что нас постоянно встряхивало. Радиосвязь с дивизией была постоянной проблемой. Связь в нашем полку и на нашей батарее работала лучше, чем у других. Связь между рациями №22 (тяжелые рации, которые перемещались на джипах, дальность действия до 20 миль - ВК) можно было установить всегда, связь между рациями №22 и 68 (заплечная рация, дальность действия 8 км - ВК) устанавливалась с некоторыми трудностями.

Я хорошо помню, что требовались усилия и концентрация для того, чтобы считывать неразборчивые и искаженные сообщения. Такими были первые сигналы, посланные артиллеристами 30-го Корпуса, и как мы были рады услышать их...

Батарейный огневой планшет, который мы использовали на КП, не имел обычного транспортира. Вместо этого на нем был прозрачный круг и стрелка, что позволяло наводить стволы в любом направлении. С нашей позиции все цели находились между азимутами 315 и 120 градусов. Однако по мере того, как развивались события, мы приступали к обстрелу целей, находившихся на все меньшем расстоянии от нас. В целом ряде случаев они были слишком близко к нам, чтобы мы могли накрыть их огнем, и приходилось вызывать на них огонь артиллерии 30-го Корпуса. Точность их стрельбы была исключительной, они делали свое дело просто великолепно.

Единственным пищевым припасом, которым мы располагали, были два рассчитанных на 24 часа рациона (один помещался непосредственно в солдатский котелок – ВК), которые мы носили на себе, и ящик с композитным рационом (сопро), по одному на каждый джип. Большая их часть была потеряна, когда наши машины сгорели. Я припоминаю только один случай, когда нам выдали рационы с батарейного штаба. Меня послали забрать то, что полагалось Отделению С. Один такой рацион состоял из трех консервных банок стандартного размера, но я уже не помню, что в них было...

Ночью отдохнуть почти не пришлось. Горели дома, которые освещали все вокруг так, что темнота давала лишь очень слабое укрытие... Войну часто описывают как долгие периоды скуки, прерываемые вспышками высокого эмоционального возбуждения. Последние шесть дней под Остербеком состояли из долгих периодов такого возбуждения, постоянно прерываемых какими-то критическими моментами.

22 сентября британские позиции в Остербеке были атакованы с четырех сторон. Основной целью был отель *Hartenstein*. Ко времени наступления темноты британцы были изолированы на участке размером 2х2 километра. Однако они продолжали упорно сопротивляться. Несмотря на давление со стороны Моделя, требовавшего покончить с британцами, Харцер принял решение объявить перемирие: «Из [перехваченного] британского радиосообщения мы поняли, что их пункты первой помощи переполнены тяжело ранеными и что у них не осталось перевязочных средств. По моему приказу доктор Скалька (Эгон Skalka, 1915-2005, на фото слева) поехал в британский полевой госпиталь в Утрехтсевег/Utrechtseweg для переговоров с британским дивизионным врачом Грэмом Уоррэком (Graeme Warrack, 1913-1985) о том, чтобы взять под свой контроль помощь раненым.»

Как уже говорилось, в ходе перемирия 450 раненых британцев были перевезены в больничный комплекс *Elisabeth Gasthuis*, в которой работающие вместе британские и немецкие врачи оказывали помощь раненым с начала боев. «Больница использовалась британцами с самого начала боев, - вспоминал Харцер. - Теперь она была уже глубоко за передовой линией немцев, но уход за ранеными оставался в под контролем британских докторов.» Харцер получил выволочку от Моделя за свои действия, но после войны генерал Эркарт напишет письмо Харцеру, в котором выразит благодарность за решение эвакуировать раненых британцев.

День 8. 24 сентября

Утром генерал Хоррокс посетил позиции поляков под Дрилом. Позднее он провел совещание с генерал-майором военно-воздушных сил при штабе Эйзенхауэра (Dwight Eisenhower) Фредериком Браунингом (Frederick Browning, 1896-1965), генерал-майором Айвором Томасом (Ivor Thomas, 1893-1972), командиром 43-й Дивизии и Сосабовским в Валбурге/Valburg. Было решено попытаться осуществить еще одну переправу в ночь с 24-го на 25-е. Однако Хоррокс уже видел безнадежность складывающейся ситуации, и был составлен план отвода 1-й Воздушно-десантной Дивизии.

Положение в Остербеке становилось отчаянным. Утром был ранен Хэккет. На перевязочных пунктах было уже около 2 000 раненых: британцев, немцев, голландских мирных жителей. В этот день дивизионный врач, полковник Грэм Уоррэк (на фото слева) попросил Эркарта разрешения на переговоры о перемирии. Уоррэка отвезли в штаб Биттриха, который согласился на это и предложил британцы столько медикаментов, сколько он сможет увезти с собой. Между 15.00 и 17.00 началось перемирие, и около 450 неходячих и ходячих раненых были эвакуированы с Остербекского периметра. Немцы на

автомобилах вывезли тяжелораненых в больничный комплекс *Elisabeth Gasthuis* в Арнеме.

Ночью союзники предприняли еще одну попытку перебросить подкрепления на северный берег. Согласно плану 4-й Батальон Дорсетского/Dorset Полка и 1-й Польский Парашютный Батальон должны были переправиться в 22.00 на лодках и амфибийных машинах *DUKW* (также *Ducks/Умки* - ВК). Плавсредства прибыли в 01.00, часть их была потеряна по пути, и, поскольку планы изменились в последний момент, переправляться стали только *Дорсетцы*. Из-за сильного течения и неумения солдат управлять плавсредствами из 315 отправившихся в путь до другого берега добралась только горстка людей. *Умки* и большая часть лодок были снесены далеко вниз по течению, и не менее 200 человек попали в плен...

Славомир Квятковски

В ночь с 23-го на 24-е прибыли канадские лодки. Прибыли они поздно, гребцов на них не было, в каждую из них помещалось меньше людей, чем говорили раньше. От этого началась неразбериха. На рассвете переброска людей через реку остановилась, потому что мы несли слишком большие потери. В ту ночь на тот берег переправилось лишь около 200 человек, и я был среди них. Бартек и другие снова вернулись в Дрил. Мы с ним увиделись в следующий раз только в июне будущего года.

Я был в группе поляков, которые заняли британский сектор обороны из пяти домов на восточном краю Остербекского периметра, где мы оставались до ночи с 25-го на 26-е...

Роберт Кристи

В воскресенье (24-го) я услышал, а потом увидел, что приближаются самолеты с грузами для десанта. Совсем немного очень ценных грузов попало нам в руки за предыдущие несколько дней, и, прихватив желтые треугольные куски ацетатного шелка, мы повылезали из своих окопов и встали в полный рост, размахивая ими. Рядом с нами упало довольно много грузов. Снова могло показаться, что все немецкие орудия устремили свои стволы вверх и, по сути дела прекратили обстрел наземных целей.

Я видел, как к земле приближалась вдвоенная упаковка с грузом. Ее парашют зацепился за гребень крыши одного из близлежащих домов. Я побежал к этому дому, решив, что наилучший путь к этому грузу лежит через чердак. Я добрался до входной двери и повернул ручку. Дверь оказалась запертой. Будучи выросшим на голливудских гангстерских фильмах, я попытался разломать замок выстрелами из моего Стена. Ничего не получилось. Попробовал еще раз – все то же самое. В конце концов, в озлоблении я выпустил остаток магазина, после чего из-за двери до меня донесся голос одного из моих приятелей: «Ради бога, прекрати пальбу, и я отодвину засов.» Тут я понял, что все окна дома открыты... Потом оказалось, что все контейнеры в упаковках набиты чем угодно, но не продуктами. Я был опечален и вернулся назад, чтобы и дальше поедать дикие кислые яблоки и твердые груши, которые росли за зданием прачечной. Некоторые парни обнаружили печенье и неподслащенные яблоки в горшках, найденных ими в прачечной, и наелись этой горьковатой мягкой кашицы, в результате чего все заработали тяжелые расстройства кишечника.

*В поздние послеполуденные часы артиллеристы Артур Вудс (Arthur Woods) и Дэвид Пламмер (David Plummer, на фото слева) из Отделения С получили приказ заняться переноской, раненых на перевязочный пункт, разместившийся в доме *ter Horst*. Когда они вносили через главный вход последнего раненого, пуля немецкого снайпера попала Пламмеру в сердце. Он умер мгновенно, было ему 19 лет...*

Эрик Батлер

В итоге я оказался на главном перевязочном пункте... Мы все еще надеялись на подход частей 30-го Корпуса... Я уже не мог сидеть и думал, что пришел конец моему позвоночнику, хотя очень сильных болей не было.

К 11 утра всякое организованное сопротивление с нашей стороны подошло к концу. Появились немецкие медики, которые стали оказывать такую помощь, какую могли в тех обстоятельствах. Время от времени я выкуривал по сигарете, но их запас подходил к концу... Противник подкатил санитарные машины и множество конвертированных в них грузовиков. Наши врачи и медики делали свое дело превосходно, немцы очень хорошо им помогали.

День 9. 25 сентября

В ночь с 24-го 25-е план отвода войск был переправлен Эркарту. В 08.00 он вышел на связь с Томасом и согласился с ним при условии, что он будет приведен в действие ближайшей ночью. В 10 утра немцы осуществили свою наиболее успешную атаку на Остербекский периметр, нанеся удар по юго-восточному флангу силами пехоты при поддержке недавно прибывших *Тигров*. Им удалось вклиниться в оборону союзников, поставив обороняющихся под угрозу изоляции от реки, но британцы контратаковали при поддержке артиллерии и вернули утраченные позиции.

К 21.00 начался сильный дождь, британцы начали эвакуацию, и к 5 часам утра операция завершилась. 2 163 десантника, 160 поляков, 75 *Дорсетцев* и несколько десятков человек из других частей и формирований переправились на южный берег, однако около 300 солдат и офицеров остались на другом берегу. 95 человек были убиты по время эвакуации. Утром 26 сентября немцы возобновили атаки, но поняли, что противник оставил плацдарм, только около полудня. Позднее они окружили около 600 человек, в основном находившихся на перевязочных пунктах раненых, людей, оставленных на северном берегу и защитников последних очагов сопротивления, не имевших связи с командованием и даже не знавших об эвакуации...

Из книги *Артиллеристы под Арнемом/The Gunners at Arnhem*, вспоминает Питер Уилкинсон (Peter Wilkinson, 1922-2017, на фото слева), капитан 1-го Аэромобильного Полка Легкой Артиллерии, участник описываемых событий):

В течение всего дня противник продолжал непрерывно оказывать давление, обстреливая [британцев] из артиллерийских орудий и минометов, атакуя силами танков и пехоты и просачиваясь через оборонительные позиции. Было очевидно, что его основной удар нацелен на то, чтобы отрезать оставшиеся силы 1-й Дивизии от реки. Придерживаясь этой тактики, он добился значительного успеха, и на некоторых участках оборонительного периметра его танки раскатывали почти в свободном режиме.

Большое количество [немецкой] пехоты снова проникло в лес к северу от позиций 2-й Батареи и отрезало ее от северной части оборонительного периметра. Майор Линтон, командир батареи, и майор Роберт Крут (Robert Shirley Croot, 1910 – погиб в авиакатастрофе 05.12.1944, на фото справа, один из летчиков планерной Эскадрильи G) готовили контратаку силами артиллеристов батареи, когда пришло сообщение о том, что вражеские танки продвигаются к ее позиции с северо-запада. Поскольку каких-либо дополнительных противотанковых средств у людей не было, они получили приказ стрелять по танкам прямой наводкой, как только те окажутся в поле зрения.

Роберт Кристи

Утром последнего дня, около 10, я сидел в стрелковой ячейке на КП отделения. Со мной в окопчике был радист отделения Пип Паркс (Percy Pip Parkes, 1915-1991, на фото слева, бывший полицейский из Дербишира, боевой товарищ Роберта Кристи. Он был освобожден от воинской службы, но добровольно записался в воздушно-десантные войска.) Нас предупредили о том, что [корпусная] артиллерия поведет обстрел противника, находившегося к северу от позиций батареи. Нам сказали пригнуть головы пониже. Все их снаряды попали в цель – не было

ни одного недолета.

Из книги *Arnhem Bridge Target Mike One; an illustrated history of the 1st Airlanding Light Regiment RA 1942-1945 North Africa, Italy, Arnhem, Norway*, David Truesdale, Martijn Cornelissen & Bob Gerritsen (2015):

В 11.00 уцелевшие позиции Отделения С, как сообщалось в рапортах, были атакованы танком *Тигр*, поддержанным самоходной артиллерийской установкой и пехотой, которые попытались прорваться внутрь оборонительного периметра примерно в 200 ярдах к северо-западу от старой церкви, расположенной близ прачечной *Van Dolderen*. До этого немалое число раз атаки осуществлялись силами 9-й Панцергренадерской Дивизии, которая получала подкрепления за счет частей, которые могли и не входить в категорию боевых. Они каждый раз несли тяжелые потери, когда накатывались на хорошо окопавшиеся части Боевой Группы *Lonsdale/Lonsdale Force* [Собранное на скорую руку соединение из различных частей под командованием майора Ричарда Лонсдейла (Richard Lonsdale, 193-1988, Парашютный Полк, на фото справа), сыгравшее важнейшую роль в обороне Остербекского периметра)

На этот раз тактика противника изменилась. Немцы отвели назад своих не самых лучших солдат и заменили их небольшими отрядами ветеранов, которых поддерживали недавно прибывшие в этот сектор боев *Тигры* с экипажами, укомплектованными обстрелянными танкистами. Примерно со 150 ярдов противник открыл огонь по позициям артиллеристов, используя свои пулеметы, и нанес тяжелые потери обороняющимся...

В одном из окопов укрывались от огня артиллеристы Отделения С Перси Паркс и Боб Кристи. Вспоминает Паркс: «Я связался по радию с Отделением *D*, находившимся севернее нас, за углом и рядом с садом, и запросил помощь. Они сказали, что помочь не могут, поскольку их самих смяли.»

Роберт Кристи

Ярдах в 100 я увидел два *Тигра*, приближавшихся к ряду домов, стоявших сразу за Мьюзик Холлом. В одном из них, я знал об этом, находился КП батареи, который контролировал действия всех наших огневых точек. Наш участок теперь был очень сильным артиллерийским огнем как со стороны немцев, так и со стороны британцев. Я слышал, как кто-то вызвал огонь британской артиллерии на свою собственную позицию, чтобы отогнать немцев. Наблюдая за происходящим, я увидел, как первый танк прогромыхал прямо к бунгало, где находился КП батареи, и начал крушить его гусеницами. Второй танк откатился немного в сторону, объехал ряд домов и отъехал назад, прикрывая первый танк.

Я услышал, как связист КП вышел на связь. Это был шотландец, как и я, тоже из Данди, 20-летний Вилли Спиди (Willie Speedie). Довольно внятно Спиди пояснил, что они испытывают «некоторые трудности», и спросил Отделение С, не может ли оно как-нибудь помочь. Старший офицер, лейтенант Эдриан Доналдсон (Adrian Donaldson), ответил, что мы сами в беспомощном положении. После этого Спиди связался с

Отделением D и также спросил, не могут ли они помочь. У них такой возможности не было. Спокойно, в полном соответствии с установленным порядком, Спиди уведомил батарею, что отключает связь. Он передал управление другому пункту и закончил следующими словами: «Я отключаюсь. Конец связи». Вилли сделал то, что было прописано в инструкции по радиосвязи, и сделал он это тогда, когда окружающие его стены буквально рушились... Я видел, как танк откатился назад, чтобы еще раз таранить здание. Я заключил, что Вилли - покойник, но позднее узнал, что храбрый радист сумел бежать оттуда. (Вилли Спиди переплыл через Рейн и попал в плен, он умер в Данди в возрасте 67 лет в 1991 году.)

Когда два Тигра переключились на капустное поле, на котором занимало позиции Отделение С, Доналдсон, младший бомбардир Джеймс Диксон (James Dickson) пробрался через живую изгородь, нашел польскую 6-фунтовку и вместе с несколькими все еще находившимися в строю товарищами по отделению выкатил ее на открытую местность.

Уничтоженный Тигр II из 506-го Батальона Тяжелых Танков в начале улицы Weverstraat. Не менее семи попавших в него снарядов 75-мм противотанковой гаубицы не нанесли ему никакого ущерба. После этого он был обездвижен попаданиями гаубичных снарядов в шасси и добит из ПИАТов

Перси Паркс

Они выкатили шестифунтовку на дорогу и открыли из нее огонь. Раздался страшный грохот, и мы увидели, как снаряд попал в танк. Они выпустили прямой наводкой девять снарядов. Я вел им счет и каждый раз мне казалось, что у меня сейчас отвалится голова. Я видел, что происходит нечто очень странное: каждый раз, когда они производили выстрел, воздушная волна высасывала из земли кочаны капусты и подбрасывала их в воздух, после чего они пролетали над нашим окопом.

Роберт Кристи

Именно за этот эпизод Эдриан Диксон получил Орден за Отличие в Службе/Distinguished Service Order, а Джеймс Диксон – Военную Медаль/James Dickson. Я не могу вспомнить,

какой эффект это произвело на танк, но припоминаю, что он после этого не стал использовать свою 88-мм пушку, не стал он и атаковать нас в те немногие минуты, когда я все еще находился на позиции. Однако он использовал свой пулемет, чтобы прочесать огнем орудийные окопы и огневые точки. Тогда-то Пип и получил осколочное ранение в лицо.

Перси Паркс

Благодаря тому, что сверху наш окоп были прикрыт (настилом), было невозможно просто так выбраться из него. После нескольких очень стрессовых минут, каждая из которых, как я думал тогда, была последней в моей жизни, мы сумели прорыть лаз через заднюю стенку окопа в прилегающую воронку от снаряда, потом проделали дыру в густой живой изгороди и через нее рванули туда, где стояли дома. Там мы нашли пулемет Брен и шесть магазинов к нему.

Роберт Кристи

Пока мы бежали, я почувствовал, что меня чем-то ударило по голове. Осколок пробил мою каску и зацепил кожу на голове. Это было легкое ранение, но ударило меня крепко, и после этого я испытывал состояние контузии еще несколько часов. Голова у меня кружилась, но я продолжал бежать. Мы забежали в прачечную через главный вход и выскочили с другой стороны. Повернув немного на север, мы пробежали через несколько садилов на задворках. В одном из них я остановился у декоративного пруда. Я посмотрел на воду, все еще в состоянии шока, и был удивлен, увидев, что сверху на него падают дождевики, издавая булькающие звуки. Неожиданно подбежал Пип и оттолкнул меня от пруда. Эти капельки дождя были пулями – кто-то стрелял по мне....

Из книги *The Gunners at Arnhem*:

Танки скрытно выкатились на позицию [батареи] и разрушили ее командный пост. Отделение С вступило с ними в бой, но через какое-то время оба отделения были смяты. Лейтенант Вудс [Woods, офицер управления огнем Отделения D] был убит, большая часть артиллеристов батареи была убита, ранена или попала в плен. Около 20 уцелевших отступили в сады к западу от позиции батареи и продолжили бой, ведя ружейно-пулеметный огонь, после чего переместились в лесные заросли, находившиеся севернее. Командовал ими сержант-майор батареи Гудмэн (Goodman). Перси Паркс и Роберт Кристи не влились в группу Гудмэна и остались сами по себе.

Роберт Кристи

Найдя себе оружие и боеприпасы, мы переместились западнее вдоль дороги Benedendorpsweg примерно в пункт с координатами 69207735, в большой дом, последний из стоявших у дороги в этом направлении. Я был шокирован, обнаружив, что мы оказались на противоположном краю периметра. Появились еще несколько парней из Отделения С [среди них были Артур Вудс и бомбардир Дж. Эванс (J. Evans)]. Вместе с четырьмя этими ребятами и двумя польскими парашютистами, у которых был Брен, мы получили приказ занять позицию в северо-западном углу участка, на котором стоял дом. Отсюда мы прикрывали дорогу и участок открытой местности, протягивающийся до небольшого цеха по переработке газа. Немецкая пехота занимала позиции сразу к западу от него.

Поляки остались с нами, потому что я говорил по-немецки, как и они. К моему крайнему изумлению и огорчению, один из поляков заметил, что как только мы покончим с немцами, нам придется готовиться к следующей войне – с русскими... Наибольшая опасность для Отделения С исходила с востока, хотя мы прикрывали западное направление. В этом месте ширина периметра была около 250 метров.

Роберт Кристи (по книге *Winged Gunners*, R.C. Woolacott, 1994):

Как только мы закрепились на новой позиции, я пошел в большой дом, чтобы посмотреть, что в нем. В нем было обустроено что-то вроде пункта первой помощи с несколькими санитарями и множеством тяжело раненых солдат. В гараже лежал длинный ряд трупов. По участку, на котором стоял дом, были разбросаны небольшие группы солдат, занявших оборону.

Наступила темнота, и я снова направился в этот дом, чтобы попытаться узнать, что происходит. Там по-прежнему не было офицеров, но были несколько старших подофицеров, и один из них пересказал мне слух о том, что ночью дивизия будет отходить через Рейн. Когда я вернулся к своим товарищам, мы решили, что это маловероятно и что мы не можем действовать, основываясь на слухах. Однако мне было интересно, как мы будем выбираться отсюда, если отступление случится на самом деле: мы понятия не имели о том, каковы планы командования. Потом кто-то вспомнил, что в прачечной мы видели кучу комплектов немецкой униформы. Артур Вудс предложил, поскольку я говорю по-немецки, отправить меня туда, чтобы я стащил один комплект, надел ее и вывел всех остальных в поле зрения немцев у них под носом. Я отверг эту идею и сказал Вудсу: «К черту все это. Если меня поймают, они меня пристрелят.»

Позднее, около 22.00, как я полагаю, между деревьями справа от нас и напротив наших стрелковых ячеек неожиданно раздался взрыв. Кто-то набрел на 75-мм противотанковый снаряд или мину. Послышались возбужденные голоса людей, говоривших по-английски и треск сучьев в зарослях. Это была группа парней из 21-й Отдельной Парашютной Роты с офицером во главе... «Да, - сказал офицер. – Дивизия отходит. Да, это происходит официально. Я знаю, в каком направлении двигаться, но мы заблудились». Поскольку еще в среду я вынес на карту позицию нашего отделения, я точно знал, где мы находимся. Мы присоединились к этим парням и пошли по тому пути, по которому выбирались утром, но по другой стороне дороге – шли через сады, перебирались через стены и ограды, пробирались тропами и так прошли мимо дома *ter Horst*.

Ночную тьму рассекали трассы очередей и пронзали разрывы снарядов. Все вокруг горело, абсолютно все: дома, сараи, разбитые машины, кусты, деревья, заборы. Они отражались в облаках. Это был ад, который и сегодня отчетливо стоит у меня перед глазами. Постепенно теряя силы из-за полученного ранения и страдая от контузии, я чувствовал, что теряю ориентировку и в итоге оторвался от остальных.

Эрик Батлер

Нас эвакуировали в Апелдорн/*Apeldoorn*, что примерно в 20 милях к северу от Арнема, там нас (около 1 200 человек) разместили в бывших голландских казармах, переоборудованных в госпиталь. Наши врачи приступили к операциям и работали день и ночь с тем, что было под рукой. Многие умирали из-за отсутствия ухода. Некоторые парни лежали с ранениями уже больше недели и не получили к тому моменту ничего, кроме первой помощи. Священники делали все возможное, чтобы снабдить нас всем необходимым. Нам стали давать по два куска немецкого хлеба и немного немецкого кофе по утрам и что-то горячее по вечерам. Через какое-то время священники раздобыли для нас немного сигарет. Мы попытались посчитать, сколько людей из нашего батальона уцелело – получилось, что в Апелдорне было около 10 офицеров и 50 прочих чинов. Куда делись остальные, было одному богу известно. Однако наш священник (Элан Бьюкенен/*Alan Buchanan*) был в курсе того, что командир и большая часть офицеров Роты А попали в плен в городе и, по крайней мере, были живы.

Обмениваясь информацией, мы кое-как составили список потерь, понесенных батальоном. Довольно приблизительно – 6 офицеров определенно были убиты, примерно 70: прочих чинов были ранены или попали в плен (ранены были почти все)... Так окончилась моя первая воздушно-десантная операция.

Славомир Квятковски

В ночь с 25-го на 26-е 1-я Британская Воздушно-десантная Дивизия начала эвакуацию на другой берег реки. Сильно не хватало моторных лодок, и переброска людей шла очень медленно. Люди собрались на ничейной земле, которую потом назвали полем смерти, потому что она находилась под огнем немцев.

Поляки были в дальнем арьергарде, и наша группа подошла к берегу почти на рассвете. Мы увидели очередь из солдат, находившихся в ожидании, в итоге больше лодок не было. Затем был поднят белый флаг, и вместе с остальными я стал военнопленным: я был плохим пловцом. Из более чем 300 поляков, сражавшихся в Остербеке, на другой берег вернулось только 160...

День 10. 26 сентября

Роберт Кристи

Близ старой церкви (имеется виду старая церковь Остербека, находившаяся на южном краю периметра - ВК) я наткнулся на военного полицейского. Он стоял там, чтобы показывать другим дорогу, и сказал: «Иди туда, выходи на плоскотину, дальше шагай между двумя трассами, которые выпускают надо головами Бофорсы, потом упрешься в берег реки.»

Последний отрезок пути был нелегким. Я не знал, что идет сильный дождь, пока не почувствовал, что вымок до нитки. У меня осталось лишь очень смутное воспоминание о том, как я добрался до воды. Никакой толкучки не было, я забрался в небольшую лодку чьей-то помощью, сам помогал другим. Мы гребли прикладами, руками, касками. Помню, как взбирался на дальний берег, скользил, съезжал назад, снова преодолевал склон... Потом мы шли по покрытой щебнем дороге у верхней кромки берега..., и через какое-то время кто-то с обочины дороги шепотом дал нам совет. Это были ребята из отделения пехоты дорсетширцев из 43-й Дивизии, они сказали нам, что их рота выдвинулась далеко вперед от передовой британцев, а сами они находятся далеко впереди своей роты. Совет был такой: «Рассредоточьтесь, меньше шумите, не сходите с дороги». Мы так и сделали и добрались до штаба их роты, где нас угостили чаем и галетами. Потом грузовики отвезли нас в Неймеген, где мы улеглись спать. Когда я проснулся, начался поиск знакомых лиц...

День 11. 27 сентября

Роберт Кристи

На следующий день, в Неймегене, меня отправили из школы, где я провел ночь, туда, где, как я предположил, ранее располагались немецкие казармы. Там я, следуя знакам, нашел людей из 2-й Батареи. Их собралась небольшая горстка. Мы стали ждать, потом, когда стемнело, стало очевидно, что ждать больше некого. Я насчитал в помещении около 20 человек. Я почувствовал, что вот-вот разрыдаюсь...

Перси Паркс

Это была самая темная ночь из всех, которые я помню, и еще пошел дождь. Однако случилось еще нечто забавное. Я видел, как через реку с южного берега летят огневые трассы, и их выпускали в воздух параллельно друг другу. Я подумал, что кто-то ведет огонь по джерри (прозвище немцев, принятое у британцев - ВК), чтобы прижать их к земле. Так или иначе, мы решили спуститься к реке. Пошли по дороге, прошли мимо наших артиллерийских позиций и потом приостановились возле дома ter Horst. Со мной был Эванс, мы шли по дорожке, похожей на тропу. Я спросил: «Что происходит?», и кто-то ответил: «Дивизия эвакуируется. Вот так вот.»

К этому времени уже почти наступил рассвет. На берегу все еще оставались триста-четыре человека. Кто-то сказал, что они ждали эвакуации, но все лодки были потоплены. Ну. Эванс и говорит: «Похоже, придется плыть.» Я посмотрел на реку. У нее было широкое русло, вода была высокой, скорость течения, на первый взгляд, была около девяти узлов. Я устал, я был ранен, и я не думал, что мне удастся перебраться через нее. Я видел, как люди прыгали в воду в одежде, и их сносило вниз по течению. Другие переплывали реку, но тут были подстрелены, выбираясь из воды. Потом мы увидели, как один парень сумел выгрести на другой берег на доске, не бросив свой рюкзак. Я подумал, что он – просто герой, и решил, что если ему удалось это сделать, удастся и мне.

Паркс разделся до трусов и выбросил все, включая дорогие золотые карманные часы *Hamilton*. Он и Эванс решили плыть наискось вверх по течению...

Вода оказалась на удивление теплой, но как только я поплыл, мои трусы соскользнули вниз, и я сбросил их. Я плыл настолько энергично, насколько это было возможно, и добрался до другого берега, после чего спрятался в кустах, чтобы отдышаться. Потом рванул к зимней дамбе по открытой местности, где, как я видел раньше, были подстрелены другие ребята. Все шло хорошо, пока я не упал в канаву, заросшую крапивой, но жечь меня начало уже потом.

Паркс добрался до небольшого фермерского коттеджа, находившегося у дамбы, и вошел в него. Там он, решив, что находится в безопасности, встал в полный рост и прошел мимо окна, смотревшего в сторону реки. Немецкие пулеметчики немедленно открыли огонь: их очередь разбила стекло и расщепила раму. Паркса не задело, но после этого он вел себя осторожнее. В одной из комнат он обнаружил женские панталоны, белые и очень теплые. Еще пошарив, он нашел мужскую спортивную рубашку и бутылку, заполненную бренди на одну четверть. Он выпил все до дна, но, по его воспоминаниям, на него это никак не подействовало... В итоге он добрался до Неймегена, где проспал двое суток на полу госпиталя.

Через Рейн удалось перебраться также Вудсу и Эвансу. Лейтенант Уайт и артиллерист Хэмптон, находившиеся с Робертом Кристи в одном планере, попали в плен и пережили войну. Майор Линтон, лейтенант Доналдсон, бомбардир Диссон и Эрик Миллз также сумели добраться до своих. Для Роберта Кристи и Перси Паркса война на этом закончилась.

В составе 2-й Батареи перед вылетом с аэродрома *Мэнстон* было 120 человек. Всего в операции приняло участие 373 человека из 1-го Аэромобильного Полка Легкой Артиллерии. 136 удалось переправиться через Рейн в ходе эвакуации, 36 человек было убито, 201 человек пропал без вести – в основном это были те, кто оказался в плену...

Эпилог

Арнемский десант окончился полным провалом для союзников, понесших тяжелейшие потери:

Воздушный десант

Соединение	Убитые/Умершие от ран	Пропавшие без вести/Попавшие в плен
1-я Воздушно-десантная Дивизия	1 174	5 903
Летный состав Планерного Полка	219	511
Польская бригада	92	111
ВСЕГО	1 485	6 525

Прочие рода войск/соединения

Род войск/Соединение	Убитые/Умершие от ран	Пропавшие без вести/Попавшие в плен
RAF	368	79
Части обслуживания	79	44
9-е Военно-Транспортное Командование (США)	27	6
30-й Корпус	25	200
ВСЕГО	499	329

Вот что писал по этому поводу Вальтер Харцер:

После сообщения по германскому радио о том, что в Арнеме были взяты в плен 8 000 британцев и 1 500 убиты, премьер-министр Черчилль сообщил BBC, что эти цифры сильно преувеличены. По его словам, получалось, что больше британцев было взято в плен, чем приняло участие в боях в целом.

Харцер получил задание от германского командования еще раз проверить эти цифры.

Я сделал это. Оказалось, что цифры, предоставленные мною ранее, были верными. На самом деле, они оказались даже немного большими чем те, которые я сообщил первоначально... Я горжусь тем, что эта победа была достигнута не [только] кадровыми частями, но также железнодорожниками, рабочими и [наземным] персоналом Люфтваффе. Это были люди, которые не прошли обучение в качестве пехотинцев и, в принципе, не годились для уличных боев.

Оценки потерь немецкой стороны сильно варьируют. В ранних рапортах, составленных сразу после окончания боев, были указаны следующие цифры: 1 300 убитыми и около 2 000 ранеными. В более поздних оценках фигурирует цифра 1 725 человек убитыми в районе Остербек-Арнем.

Надо сказать, что немцы в своих воспоминаниях говорили об исключительно ожесточенном характере боев. Гауптштурмфюрер Ханс Мёллер (Hans Moeller, на фото слева), командир инженерного батальона 9-й Танковой Дивизии, рассказывал, что его людям «приходилось пробивать себе путь от комнаты к комнате, от сада к саду, от дерева к дереву...

Британские парашютисты сражались как загнанные в угол тигры за каждую пядь земли независимо от того, какой небольшой она была.»

Пленные британцы. Арнем

Альфред Рингсдорф

Это было самое трудное сражение из всех, через которые я прошел, особенно на таком небольшом пятчке. Это был непрерывный ближний бой без четких передовых линий, как английских, так и немецких. Англичане были везде и всюду, и часто всего в пяти метрах от нас. Улицы почти везде были узкими, иногда всего пять или шесть метров в ширину, мы были на противоположных сторонах улиц, почти лицом к лицу и стреляли друг в друга...» Наибольшее впечатление на меня произвело благородство английского солдата. Он сражался упорно, сражался хорошо. В каком-то смысле мне было жаль англичан, потому что они были храбрыми солдатами, но уступали нам в численности. Все, что им оставалось, это сражаться, чтобы защитить себя, пока не приходил приказ сложить оружие... Наши потери были тяжелыми: должно быть, мы потеряли 50% людей.

Эрвин Хек

Оглядываясь назад, я должен согласиться с Биттрихом, который сказал следующее: «Победа под Арнемом была наихудшим из того, что я сделал за всю войну.» Мы победили в том сражении, но из-за этого война продлилась на значительно больший срок, чем было нужно. В результате погибло намного больше людей и была поделена моя страна. И вообще: был ли там в самом деле победитель, когда погибло столько храбрых солдат?

Лео Холл (Leo Hall), бомбардир, Отделение Е, 3-я Батарея, 1-й Аэромобильный Полк Легкой Артиллерии

Опираясь на мой опыт общения с немцами, взявшими меня в плен, я должен подчеркнуть, что они вели себя по отношению ко мне с максимумом благородства. Я был, можно сказать, их товарищем по оружию. Я не хочу отрицать зверства [нацистов] — действительно, кое-какие несомненно имели место, но то, что я только что сказал о немецком солдате-фронтовике, сказать было необходимо.

Роналд Грэйдон (Ronald Graydon), рядовой, связист 1-го Приграничного Полка

Мне почти 81, я жил очень полной жизнью, но моя философия после Арнема была такой: пусть каждая минута моей жизни будет полезной, потому что со мной была удача в отличие от тех многих моих замечательных товарищей, которые не вернулись - я в долгу перед ними и не имею права терять время попусту, потому что им оно отпущено не было.

Источники

<https://claro2.wordpress.com/bob-christies-arnhem/>

<https://claro2.wordpress.com/return-to-arnhem-10-months-later/>

<https://arnhemlife.nl/2023/03/02/the-battle-of-arnhem-through-the-eyes-of-german-commander-walter-harzer/>

<https://www.battle-of-arnhem.com/longread-the-battle-of-arnhem-through-the-eyes-of-german-commander-walter-harzer/>

<https://www.historynet.com/gunners-at-arnhem/>

https://www.battle-of-arnhem.com/#google_vignette

<https://paradata.org.uk/content/4664033>

https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B8%D1%82%D0%B2%D0%B0_%D0%B7%D0%B0%D0%90%D1%80%D0%BD%D0%B5%D0%BC

<http://warfarehistorynetwork.com/daily/wwii/british-paratrooper-at-arnhem-an-interview-with-james-sims/>

<https://www.bbc.co.uk/history/ww2peopleswar/stories/11/a3531511.shtml>

<https://marketgarden.com/2010/UK/veterans/weber.html>

<https://marketgarden.com>

https://www.pegasusarchive.org/arnhem/alfred_ringsdorf.htm

<https://marketgarden.com>

<https://www.battle-of-arnhem.com/the-death-of-generalmajor-friedrich-kussin/>

<https://www.battle-of-arnhem.com/driel-ferry-in-german-hands-not-an-easy-crossing-for-the-polish-brigade/>

Anthony Beevor. ARNHEM. The Battle For The Bridges. 1944. 2011

The Mammoth Book of HOW IT HAPPENED. WORLD WAR II. Edited by Jon E. Lewis. London, 2002

Перевод, компиляция и литературная обработка – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org